№ 20. Октябрь.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

СЛОВО,

говоренное Протоіереемъ Тимоѳеемъ Мокрицкимъ, 7-го Іюля 1829 г., въ церкви войскъ Кавказскаго корпуса, близъ стѣнъ Арзерума (*).

Не въ силѣ конскій, ни въ лыткѣхъ мужескихъ благоволитъ Богъ; но благоволитъ Богъ въ боящихся Его, и на милость Его уповающихъ. Слова Пророческія.

Поздравишь-ли васъ, побѣдоносные, Христолюбивые воины, побѣдами, или паче прославишь

(*) «Прошедшаго Іюня 27 числа (пишетъ къ Издателю Телеграфа почтенная особа, препроводившая сіе краснорѣчивое Слово) покоренъ побѣдоноснымъ оружіемъ нашимъ знаменитый Азіятской Турціи городъ Арзерумъ. Іюля 7-го числа, при торжественномъ парадѣ, на полѣ, близъ стѣнъ Арзерумскихъ, въ Корпусной церкви была отправлена Божественная литургія, и послѣ оной принесено благодарственное Господу Богу молебствіе. При семъ случаѣ, 20-й пѣхотной дивизіи Благочинный, Севастопольскаго пѣхотнаго полка Протоіерей Тимоѳей Мокрицкій, въ присутствіи Главнокомандующаго, Его Сіятельства

Господа, Бога даровавшаго намъ оныя? Подлинно: что означаютъ успѣхи оружія нашего, какъ не очевидное Божіе къ намъ благоволеніе, и гнѣвъ Божій на враговъ нашихъ?

Тамъ (*) малыми силами нашими ниспровергаются всѣ покушенія многочисленныхъ враговъ нашихъ; здѣсь мужествомъ вашимъ разсѣваются многолюдные корпуса вражескіе; покоряются цѣлыя области, и уже и знаменитый Арзерумъ-крѣпкая опора Азіятской Турціи, въ рукахъ нашихъ! Гордые Исмаильтяне, надѣясь на многолюдство свое и на сильныя преграды, въ непроходимыхъ горахъ и ущельяхъ, по видимому, самою природою для защиты ихъ положенныя, въ семъ наипаче величественномъ колоссѣ своемъ считали себя безопасными. Но что можетъ останов-

---

Графа Паскевича-Эриванскаго, привѣтствовалъ воинскіе чины крапкимъ словомъ, которое при семъ прилагаю,» и проч. — Издатель Телеграфа спѣшитъ исполнить желаніе, изъявленное ему, видѣвъ оное напечатаннымъ въ семъ Журналѣ.

(*) 20-го числа Іюня мѣсяца храбро отраженъ непріятель, въ 18-ти тысячахъ блокировавшій городъ Баязетъ, въ коемъ находилось нашихъ войскъ, подъ командою Генералъ-Маіора Попова, 20-й пѣхотной дивизіи Нашебургскаго и Козловскаго полковъ 11-ть ротъ, составлявшихъ не болѣе какъ 1100 человѣкъ нижнихъ воинскихъ чиновъ. При чемъ отбито у непріятеля 5 орудій.

вить успѣхи побѣдоноснаго оружія нашего? Что можетъ ослабить духъ неустрашимости вашей — утушить пламень любви къ отечеству и вѣрности къ природному Государю своему, каковыми примѣрными качествами блистаете вы, побѣдоносные воины, на каждомъ шагѣ воинскихъ подвиговъ вашихъ, и превосходите всѣхъ воевъ, и во всей вселенной?

Но когда столь блистательны и незабвенны въ лѣтописяхъ воинскіе подвиги ваши, Христоименитые воины; то въ семъ наипаче случаѣ познаемъ перстъ Божій, указующій намъ пути къ славѣ и посрамляющій враговъ нашихъ; познаемъ, что продолженіе нынѣшней войны нашей по манію Цареву и по манію Божію, ибо *сердце Царево въ рукѣ Божіей*, говоритъ Апостолъ, есть очевидное продолженіе гнѣва Божія на Исмаилытянъ — враговъ нашихъ; а что Господь Богъ вѣнчаетъ щастливыми успѣхами оружіе наше, то сіе есть явнымъ и утѣшительнымъ для насъ знаменіемъ высочайшихъ къ намъ милостей Божіихъ. И кто проникнетъ въ судьбы Божіи? Не кровь-ли многихъ тысящъ Христіанъ, напоившая не только Европейскую Турцію, но и всю Азію, дымящаяся изъ нѣдръ земли, вопіетъ къ Небесамъ объ отмщеніи врагамъ нашимъ? Не попранная-ли святыня во Христіанскихъ храмахъ, и въ лицѣ достопочтеннѣйшаго Спарца, Святѣйшаго Патріарха, влачимаго съ поруганіемъ

по стогнамъ Царя-града, еще не исполняетъ чаши гнѣва Божія на неистовыхъ враговъ нашихъ враговъ и святыя вѣры нашея? Не вопль-ли страждущаго Христіанства въ продолженіе многихъ вѣковъ подъ игомъ суевѣрныхъ и жестокосердыхъ Магомешанъ, доходитъ до престіяго Небесе, какъ нѣкогда услышалъ Богъ гласъ стенящей подъ игомъ жестоковыйныхъ Тапаръ самой Россіи — любезнаго отечества нашего?

Такъ, побѣдоносные воины! Ежели перстъ Божій видимо показуется въ твореніяхъ міра какъ восклицаетъ Пророкъ: *Небеса повѣдаютъ славу Божію*; *творенія-же руку Его возвѣщаетъ твердь*; то въ нынѣшнихъ событіяхъ нашихъ, подъ маніемъ Божіимъ совершившихся, тѣмъ оный очевиднѣе. Ежели всеобымающая власть Верховнаго Зиждителя проспираетъся до того, что *двѣ птицы, цѣнимыя единымъ ассаріемъ*, по словамъ Іисусъ-Христовымъ, *не падаютъ безъ воли Отца Его Небеснаго*, то въ вашихъ воинскихъ дѣлахъ гдѣ смерть, такъ сказать, борется съ жизнію гдѣ участь многихъ тысящъ народовъ рѣшается въ мгновеніи, гдѣ всѣ опасности ищутъ своихъ жертвъ: въ таковыхъ, повторяю, дѣлахъ вашихъ менѣе-ли видима Десница Божія, наказующая или милующая родъ человѣческій?

Такимъ образомъ, когда каждый разъ припуждаетеся вы, Христоименитые воины, разобор

ствовать противу несравненно большихъ силъ вражескихъ, и въ семъ случаѣ увѣнчаваемся лаврами побѣдъ: то не очевидна-ли здѣсь Десница Божія, благословляющая оружіе наше? Когда опытность и благоразуміе храбрыхъ Полководцевъ нашихъ предваряютъ и ниспровергаютъ всѣ вражескіе замыслы и покушенія на насъ: то не Богъ-ли умудряетъ главнаго Предводителя силъ нашихъ на славу благословенныя Россіи и на посрамленіе враговъ нашихъ? Когда наконецъ каждый изъ васъ, храбрые воины, воспламеняемый любовію къ отечеству, вѣрностію и усердіемъ къ Всероссійскому Престолу, безбоязненно устремляется на превосходныя силы враговъ нашихъ: то не Богъ-ли укрѣпляетъ духъ вашъ, вселяетъ неустрашимость въ сердца ваши и творитъ васъ побѣдителями? По-истинѣ! Все, что ни имѣемъ мы теперь въ себѣ и для себя великаго и славнаго: знаменитые подвиги, успѣхи оружія, неимовѣрныя побѣды, блистательные трофеи, все должны посвятить Господу Богу, содѣйствующему намъ и по насъ поборающему!

Такъ нѣкогда покорялъ Израиль всѣ племена Хананскія! Такъ ополчался Іисусъ на Амалика, Гедеонъ на Мадіама, Давидъ на Голіаѳа; ополчались и многіе другіе вѣрные Богу и доблые мужи, и прославилися о Богѣ и Богъ прославился въ нихъ!

Такъ, о Всемилостивый Боже нашъ! и мы, составляющіе новый Израиль Твой, не изъ Египта изведенный, но кровію Единороднаго Сына Твоего, Господа нашего Іисуса Христа, у Тебе искупленный, по манію Возлюбленнаго Помазанника Твоего, Всеавгустѣйшаго Монарха нашего, Императора НИКОЛАЯ ПЕРВАГО, ополчаемся на враговъ нашихъ, и, повергая предъ престоломъ славы Твоея приобрѣтенные нами Всесильною и Всеблагою помощію Твоею лавры побѣдъ нашихъ, не себѣ — не себѣ; но Имени Твоему воздаемъ славу, хвалу и благодареніе!

ПРОЖЕКТЪ

о проведеніи воды въ столичный городъ Москву, учиненный Генералъ Лейтенантомъ Фонъ Бауромъ, Іюня 24-го дня 1780-го года (*).

Хотя рѣка Москва и протекаетъ въ семъ городѣ, а Яуза напояетъ оный съ одной его стороны; но за всѣмъ тѣмъ въ хорошей водѣ нахо-

---

(*) Вниманіе обитателей Москвы обращаетъ теперь на себя новое устройство водопроводныхъ каналовъ, обѣщающее городу важныя выгоды и удобства. Надѣясь удовлетворить любопытство читателей нашихъ сообщеніемъ свѣдѣній о семъ новомъ устрой-

дится въ Москвѣ великій недостатокъ. А хотя одна изъ сихъ рѣкъ, при вершинѣ своей, и содержитъ въ себѣ весьма хорошую воду, но по достиженіи въ самый городъ, несомыя ею нечистоты, учиняютъ употребленіе оной для обывателей совершенно вреднымъ, не считая еще и того, что переноска ея, по великой обширности города, бываетъ весьма затруднительною.

Для сихъ обстоятельствъ, Московскіе жители, хотя и были принуждены къ копанію не малаго числа колодязей, но хорошая вода находится въ немногихъ изъ оныхъ; сверхъ-же того есть при семъ городѣ нѣсколько и ключей, изъ которыхъ лучшіе сосредоточены близъ Андроньевскаго монастыря, въ Преображенскомъ, и на Трехъ горахъ.

Прѣсненскіе ключи, оказывающіеся въ разныхъ мѣстахъ окружающаго ихъ песку, хотя отчасти и снабжаютъ чистою и способною ко употребленію водою, но количество оной столь посредственно, что и не могутъ они наполнять собою всегда тѣхъ великихъ прудовъ, которые

сіи, помѣщаемъ сначала изъясненіе самаго перваго проэкта, по которому, при Императрицѣ Екатеринѣ проведеніе въ Москву воды изъ Мытищъ было расположено искуснымъ инженеромъ Бауромъ. Кажется, что донынѣ подробности сего дѣла не были извѣстны публикѣ. *Изд. Тел.*

сдѣланы близъ оныхъ, а сіе и учиняетъ, что во время засухи, находящаяся въ нихъ вода повреждается весьма скоро, что и оказывается очевиднѣе на тѣхъ прудахъ, кои находятся отъ вышеписанныхъ источниковъ въ дальнѣйшемъ разстояніи.

Неглинная и Самотека суть не иное что, какъ малые, бьющіе изъ земли ключи, почему и наполняются они водою только во время весны, при таяніи снѣговъ, и при упаденіи великихъ дождей. А какъ воды ихъ протекаютъ весьма въ глубокомъ буеракѣ, который раздѣляетъ сей городъ на двое, то по скатамъ береговъ ихъ и надлежитъ уже необходимымъ образомъ стекать въ оные всякой нечистотѣ и навозу; а какъ такому стеченію не можно ни какимъ образомъ воспрепятствовать, то и учиняется весьма важнымъ, дабы приложить большее попеченіе о сысканіи потребныхъ средствъ, ко избавленію города отъ сихъ нечистотъ.

Исключая сію неспособность, Московскіе жители учинили привычку, чтобъ сохранять сію воду въ небольшихъ прудахъ, которые, не имѣя у себя довольнаго стоку, легко повреждаются, и слѣдственно могутъ испускать изъ себя весьма нездоровые пары.

И такъ, всѣ вышепредъявленныя причины показываютъ уже ясно, что если-бы и можно было

сдѣлать Неглинную, прошивъ нынѣшняго ея состоянія, шире въ десятеро и въ пятнадцатеро, то-бы и тогда состоящую въ ней воду не льзя было употреблять для домашнихъ дѣлъ, а кольми паче учинить ее способною къ питію, безъ отдѣленія сей воды отъ худыхъ водъ; а таковая работа, безъ всякаго противорѣчія, и произвела-бы великіе убытки, которые потребны для учиненія сего чищенія.

Разсмотря обстоятельно всѣ сіи окрестности, предлагаю я прожектъ мой, не столько о приведеніи въ сей городъ довольнаго количества чистой воды, но и о способѣ ко истребленію изъ онаго всякихъ нечистотъ, къ чему и подаетъ средство самая рѣчка Неглинная.

Сверхъ-же того предлагаю я о засыпкѣ нѣкоторой части вышеозначеннаго, раздѣляющаго городъ буерака, для учиненія между всѣхъ градскихъ улицъ свободнаго сообщенія, а притомъ и о сдѣланіи хорошихъ и способныхъ къ прогуливанію мѣстъ, въ такой части города, отъ которой нынѣ удаляются сколько возможно, по причинѣ исходящаго изъ Неглинной дурнаго запаху; лежащіе-же на обоихъ берегахъ вышеозначенной рѣчки обывательскіе домы, улицы и сады получатъ отъ сего расположенія большее пространство, и во время пожаровъ могутъ гораздо способнѣе доставать воду.

Какъ положеніе Москвы во многихъ мѣстахъ весьма гористо, ибо нѣкоторая часть оной лежитъ выше Москворѣцкаго горизонта сто сорокью футами, то на лѣвой сторонѣ оной, въ разстояніи восьмнадцати верстъ, и не находится никакой рѣки, ниже такого источника, который-бы превозвышалъ горизонтъ сего города, ибо тѣ воды, которыя лежатъ отъ ней ближе вышеписаннаго разстоянія, суть либо весьма малы, или совсѣмъ къ сему дѣйствію неспособны.

И такъ, для снабженія Москвы чистою водою, надлежитъ начать приведеніе оной въ разстояніи двадцати четырехъ верстъ отъ сей столицы, и убѣгать съ великимъ стараніемъ отъ тѣхъ рѣчекъ, которыя несутъ съ собою какія нибудь нечистоты, хотя обитатели сего города, по неимѣнію лучшихъ водъ, и были принуждены донынѣ употреблять въ пищу и питіе свое самую сію протекающую въ нихъ жидкость. Для произведенія-же таковаго прожекта въ дѣйство, находящіеся за деревнею Большими Мытищами и бьющіе въ великомъ изобиліи ключи, должны почесться къ тому за наиспособнѣйшіе.

Сіи ключи, которыхъ найдено донынѣ сорокъ восемь, хотя и текутъ по таковой землѣ, которая кажется быть болотною, но какъ заключаются они въ восьми стахъ-саженной окружности, и лежатъ всѣ на одинакомъ горизонтѣ,

который состоитъ выше горизонта удаленнѣйшихъ отъ сего мѣста рѣки Яузы водъ двѣнадцатью футами, то и не льзя уже сомнѣваться, что сіи источники долженствуютъ имѣть первое свое начало въ высочайшемъ и находящемся гораздо далѣе противъ рѣки Яузы мѣстѣ, нѣмъ болѣе, что почерпаемыя изъ сихъ ключей воды, кромѣ преизящной своей прозрачности, имѣютъ въ себѣ гораздо лучшій вкусъ, и по произведеніи надъ ними различныхъ химическихъ опытовъ, сохраняютъ сіе хорошее качество неизмѣнно.

Разсматривая положеніе вышерѣченныхъ водъ оказывается, что покрываются онѣ слоемъ черной и подобной турфу земли. Сей слой имѣетъ толстоту свою въ два фута, и долженствуетъ происходить отъ согнившихъ въ давнишнее время древесныхъ листьевъ. Подъ сею черною землею находится слой хорошей глины, толстотою въ пятнадцать футъ, а подъ нимъ крупный хрящъ, сквозь который и вышеписанная вода пробирается.

Когда учинено будетъ въ сей глинистой землѣ хотя малѣйшее отверстіе, то находящіяся подъ нею воды бьютъ съ великою скоростію, и поднимаются къ верху на девятнадцать футъ, слѣдственно, выше водъ рѣки Яузы двѣнадцатью футами; да и примѣчено, что сохраня-

ютъ онѣ у себя непрестанно одинакое теченіе.

Исключая оное, имѣютъ онѣ въ себѣ непрестанно тоже самое качество, и учиненные мною при трехъ изъ сихъ источникахъ опыты показываютъ, что въ двацать четыре часа получается изъ нихъ воды восемьдесятъ четыре тысячи кубическихъ футъ.

Одинъ изъ сихъ ключей, называемый *Святымъ*, извѣстенъ уже весьма давно. Онъ именуется отъ нѣкоторыхъ также *громовымъ колодяземъ*, по причинѣ того, будто-бы нашли его сперва по тому, что въ то мѣсто, гдѣ онъ находится, ударила молнія. Изъ сего ключа въ двадцать четыре часа истекаетъ воды около шестидесяти тысячь кубическихъ футъ и не уменьшается нимало, хотя приказалъ я открыть ближайшій къ нему другой ключъ, который въ двацать четыре-же часа испускаетъ воды двадцать восемь тысячь кубическихъ футъ.

И такъ изъ сихъ наблюденій можно, безъ всякаго сомнѣнія, заключить, что вышеозначенные источники будутъ снабжать всегда довольнымъ количествомъ воды.

Сіе подтверждаетъ и самый опытъ, ибо изъ осмнадцати ключей, которые одѣты камнемъ, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1780 года, и пропущены въ главный водоемъ (бассейнъ), получается носпо-

яннымъ образомъ въ цѣлое лѣто ежесуточно воды по ... футъ.

Понеже въ сей сполицѣ чувствуется недостаткъ отнюдь не въ количествѣ, но по большей части въ качествѣ воды, то и опредѣлилъ я, дабы выбрать изъ сихъ источниковъ самые лучшіе и прозрачные, и по количеству испекающей изъ нихъ воды расположить величину водоприводной трубы (акедюкъ), опредѣляя къ сему дѣйствію для ежедневнаго употребленія на пищу и питіе воды сто сорокъ двѣ тысячи восемь сотъ пятьдесятъ семь кубическихъ Французскихъ футъ, что въ двадцать четыре часа на двѣсти пятьдесятъ тысячь человѣкъ и учинить на каждаго почти по двадцати бутылокъ.

По учиненіи отъ вышеписанныхъ ключей до самаго города Москвы наиточнѣйшаго нивелированія, и повтореніи сего дѣйствія неоднократно, для точнаго опредѣленія у водоприводной трубы линіи направленія, найдено, что сіи ключи лежатъ выше Москвы рѣки сто двумя футами и семью съ половиною дюймами, и, слѣдственно, при проведеніи воды въ разсужденіи паденія оной не находится никакого затрудненія; но, напротивъ того, учиняется въ сей работѣ множество препятствій отъ находящихся по тому пути (по коему сія труба проходить должна) различныхъ долинъ, горъ и рѣкъ; а дабы

избавиться всѣхъ сихъ неспособностей, то ко ошвращенію оныхъ предлагается поступить слѣдующимъ образомъ:

1-е. Чтобы сіи источники снабжали во всякое время чистою и способною къ питію водою, то предпріялъ я оные понизить пропивъ нынѣшней ихъ поверхности шестью фунами, и расположить водоемы, къ которымъ разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ источники приведутся, текучи сквозь каменные подземельные канальцы.

Сіи канальцы поведутся горизонтально, а потребное для нихъ склоненіе будутъ они имѣть только въ одномъ мѣстѣ, для того чтобъ открытые ключи, имѣя въ теченіи своемъ равный горизонтъ, могли также сохранить въ глубинѣ своей одинакое теченіе.

Дабы узнать количество воды потребное на каждое двадцати четырехъ часовое время, то предпріялъ я сдѣлать у главнаго водоема четвероугольное отверстіе, шириною въ три фута, выше коего оно упадаетъ, а притомъ сдѣланъ и спускъ, для того, чтобъ впускать въ каналы только то количество воды, кое къ тому будетъ потребно, ибо когда вода поднимается въ немъ на три дюйма, то будетъ оной гораздо больше, нежели сколько надобно для употребленія въ двадцать четыре часа.

Широта отверстія канала будучи въ три фута. 36
А высота его. 3

Произведетъ. 108

Скорость-же воды будучи въ $\frac{4}{9} = 2$ футамъ, произведетъ въ одну секунду $3342\frac{1}{2}$ кубическихъ дюйма, а въ 24 часа $167,112\frac{1}{2}$ кубическихъ футъ; и какъ кубическій футъ содержитъ въ себѣ $62\frac{1}{2}$ фунта, а бутылка 2 фунта, то полагая въ 24-хъ часовое время на каждаго человѣка по 20 бутылокъ, учинитъ 522,260 бутылокъ, для числа 261,113-ти человѣкъ, послѣдуя Англійской мѣрѣ.

2-е. Колодцы одѣваются камнемъ, даже и сверхъ земли, и роются до такой глубины, когда будетъ по сторонамъ и подъ дномъ ихъ крѣпкая глина. Въ срединѣ сихъ колодцевъ опускается труба до слоя крупнаго песку или хрящу, на которомъ искупъ воды, что и воспрепятствуетъ глинистой землѣ удерживать ключи, и дастъ водѣ свободный и непрерывный токъ.

3-е. Сіи воды, посредствомъ каменныхъ канальцевъ, проводятся сквозь глинистую землю, которые закрываютъ ихъ до горизонта ихъ поверхности, для того чтобъ дождевыя и снѣговыя воды могли течь безпрепятственно, и не мѣшаться съ ключевою водою. Въ такихъ-же мѣстахъ, гдѣ долины сжимаютъ теченіе, дается таковымъ дождевымъ водамъ, способомъ двой-

ныхъ каналовъ или спускныхъ трубъ, свободное теченіе.

4-е. Главный каналъ начинается подлѣ водоема. Онъ проходитъ Яузу колѣномъ, дабы вода сей рѣки могла течь выше; а чтобъ сія труба могла противиться морозамъ, то будетъ она покрыта толстымъ слоемъ земли.

5-е. Ведущая воду труба проходитъ до рѣчки Ички внутри земли, которой глубина перемѣняется, отъ шести и девяти до одиннадцати футъ, послѣдуя горизонту земли и линіи направленія.

6-е. Далѣе находятся небольшія лощины, гдѣ ниже главной трубы будутъ построены спускныя трубы, для того, чтобъ дождевыя и снѣговыя воды имѣли свободный стокъ, ниже сей водоприводной трубы.

Гдѣ пресѣкаетъ водоприводную трубу рѣчка Ичка, которой горизонтъ ниже сей работы осмнадцать футъ и восемь дюймовъ, построится большой мостъ объ одномъ сводѣ, подъ коимъ сія рѣчка протекать будетъ, а поперегъ ближней лощины учинится насыпь, съ водоприводною трубою, коихъ основаніе набьется сваями.

Сверхъ-же того должно наблюдать, что сему каналу придается склоненія на всякія сто саженъ по два дюйма. Онъ покрывается съ великимъ стараніемъ землею, для того, чтобъ не могъ

ему вредить ниже самый жестокій морозъ, а дабы учинить входъ его гораздо способнѣе, или чтобъ при случаѣ какой нибудь починки, или другаго обстоятельства можно было осматривать внутренность водоприводной трубы, то надлежитъ чрезъ всякія двѣсти саженъ дѣлать у ней отдушины (супираль) или окна (регардъ).

7-е. Отъ вышеписанной рѣчки Ички до самаго Ростокина, вышеписанный каналъ проходитъ по большей части въ глубину 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12-ти футъ; далѣе-же оказывается онъ на земной поверхности, а для сей причины и покрывается онъ землею, да и окружается съ обѣихъ сторонъ насыпями.

А чтобъ способствовать теченію дождевой воды, то дѣлается небольшой спускъ.

8-е. За симъ находится глубокая лощина, въ которой протекаетъ рѣка Яуза, принявшая въ себя еще прежде того въ теченіи своемъ многія малыя рѣчки, чѣмъ и пресѣкается совершенно проведеніе воды, ибо сія рѣка состоитъ шириною въ пятнадцать, а самая лощина больше двухъ сотъ саженъ.

Здѣсь располагается большой подъ-трубный мостъ (понтъ акедюкъ). Онъ утверждается на двадцати одномъ сводѣ, и имѣетъ длину свою въ протяженіи пятьдесятъ саженъ, включая въ то число и стѣны обоихъ крыльевъ, которыя под-

нимутся до потребной высоты, безъ всякихъ столповъ. Въ семъ мѣстѣ высота горизонта Яузы рѣки съ высотою горизонта проводимой воды имѣетъ разность въ пятьдесятъ одинъ футъ и девять дюймъ.

Столпы сего строенія закладываются на крѣпкихъ и полстыхъ сваяхъ, которыя покрываются двойною рѣшеткою (ростверкомъ), состоящею изъ продольныхъ и поперечныхъ брусьевъ. Сіи столпы отъ самаго своего основанія до верху взводятся изъ дикаго камня, который извѣстенъ подъ именемъ *Хорошевскаго* камня; широта же сводовъ дѣлается въ окружности своей въ четыре сажени, и вся сія работа, до самаго верху, производится изъ дикаго-жъ камня, на который водоприводная труба кладется изъ лучшаго кирпича, который смазывается цементомъ.

Въ расположеніи сей работы было прилагаемо наиприлежнѣйшее стараніе, дабы могла она сохранена быть отъ дѣйствія самой большой стужи, по которой и закладывалася не только толстота боковыхъ стѣнъ, но употреблена еще и та предосторожность, чтобъ покрыть сводъ водоприводной трубы довольнымъ количествомъ земли. А дабы воспрепятствовать пропеканію воды, которая-бы во время морозовъ могла повреждать своды, то сдѣланы подъ водоприводною трубою небольшіе канальцы, которые и бу-

дутъ служить не только къ стеканію водъ, но и къ скорому открытію поврежденныхъ мѣстъ.

Паденіе, которое придано сему каналу, отъ водоема до начала водоприводной трубы учинено въ десять футъ, а отъ сего мѣста въ шесть дюймовъ.

9-е. За симъ вышерѣченный каналъ продолжается до рѣчки Трещенки, и ведется въ глубинѣ трехъ, четырехъ и шести футъ, насыпается землею, потомъ строится единосводный мостъ.

Какъ сіи воды берутъ свое начало изъ хорошихъ, чистыхъ и вкусныхъ источниковъ, и что доброта ихъ, по учиненіи химическихъ опытовъ равняется съ прежними, то и располагается боковой каналъ, который имѣетъ свое направленіе на подобіе находящихся при деревнѣ Большихъ Мытищахъ, и будетъ содержанъ въ отдаленномъ колодязѣ, и для стеченія дождевой и снѣговой воды учинится особый спускъ.

Вышерѣченные ключи опредѣляются для награжденія утратъ въ водѣ, которая-бы могла учиниться въ водоприводной трубѣ, отъ протеканія оной въ землю. Но если въ Мытищинской водѣ, отъ сей деревни до Ростокина, не произойдетъ знатнаго ущерба, то уже въ употребленіи вышерѣченныхъ ключей и не будетъ никакой нужды, чрезъ то и сбережется то иж-

дивеніе, которое-бы надобно было употребить для проведенія оныхъ.

10-е. За симъ водоприводная труба продолжается до той точки, гдѣ должно быть построену двойному подъ-трубному мосту, для проходу текущей въ каналѣ воды, и для спуску небольшихъ ключей, которые находятся въ семъ мѣстѣ, также и для спеканія дождевой и снѣговой воды.

Низкая земля поднимется тутъ способомъ земляной насыпи; по учиненіи-же сего водоприводная труба и будетъ продолжаться далѣе, гдѣ,

11-е, земля возвышается столь много, что уже и невозможно рыть канала на поверхности оной, почему и предпринимается оную прокопать (суминеръ). Сіе распространяется на тысячу четыреста саженъ, придавая поставляемымъ въ подкопѣ рамамъ довольную высоту и толстоту, для того чтобъ можно было класть и сводить каменную галлерею.

А какъ сія гора имѣетъ съ обѣихъ сторонъ своихъ склоненіе, которое и придаетъ верхнимъ и подземельнымъ водамъ свободное теченіе, то и предпринято, чтобъ подкопщики производили работу свою съ обѣихъ ея сторонъ вдругъ, и, по мѣрѣ ихъ успѣховъ въ подкопѣ, продолжать каменную кладку подъ землею. Сверхъ-же того, чрезъ каждые пятьдесятъ саженъ, надлежитъ дѣлать колодязи, сквозь которые можно будетъ поднимать землю, и опускать нужные для сей работы припасы.

Глубина сихъ колодязей будетъ состоять отъ придцати трехъ до сорока пяти футъ.

12-е. За симъ каналъ проходитъ на поверхности земной, для которой причины онъ и окружается насыпью; находящіяся-же при суконной мѣльницѣ воды будутъ отведены, способомъ особаго спуска.

13-е. Здѣсь горизонтъ канала пресѣкается землею, почему онъ и учиняется глубиною своею отъ шести и семи до четырнадцати футъ, а въ двухъ мѣстахъ переходитъ онъ по верху подъ-трубнаго моста, подъ коимъ будутъ прошекать шѣ воды, которыя находятся въ Красномъ Прудѣ.

14-е. Въ семъ-то мѣстѣ учинено будетъ первое раздѣленіе водъ, которыя способомъ желѣзныхъ, и имѣющихъ діаметръ свой въ девять дюймовъ, трубъ, приведутся къ тому мѣсту, которое находится близъ церкви Богоявленія Господня, гдѣ и прожектируется первый водоемъ (бассейнъ).

Отъ сего мѣста приведенныя воды будутъ продолжать свое теченіе до Нѣмецкой слободы, и до того мѣста, гдѣ будутъ онѣ паки собраны. А какъ въ объявленной почкѣ совокупляются многія улицы, то прожектированный здѣсь водоемъ (бассейнъ) и будетъ для обывателей сей части города весьма полезенъ.

15-е. Потомъ каналъ продолжается вдоль склоненія горы и садовъ, а потомъ выше водоприводной трубы сдѣлается спускъ, для стоку какъ дождевыхъ водъ, такъ и находящихся на поверхности земной ключей.

А понеже находящаяся въ семъ мѣстѣ земля возвышается столь много, что и учиняется невозможнымъ, дабы проводить водоприводный каналъ на поверхности оной, то и предпринято учинить въ ней подземный подкопъ, сквозь который водоприводная труба и будетъ продолжаться. Сей подкопъ будетъ сдѣланъ по тѣмъже самымъ правиламъ, какъ и въ Сокольникахъ, о чемъ и было уже упомянуто въ § 11-мъ.

Для сего дѣйствія употребятся подкопщики, которые и будутъ работать съ обѣихъ сторонъ вдругъ; и чрезъ каждые пятьдесятъ саженъ копать продушины, кои и будутъ способствовать къ полученію потребныхъ припасовъ; по окончаніи-же сей работы, половина изъ сихъ продушинъ будетъ засыпана, а прочія останутся не засыпанными, и учинятся колодязями, въ которыхъ обыватели и будутъ черпать воду.

16-е. За симъ сдѣлается водоемъ и машина, способомъ которой обитатели верхней части Басманной, Мясницкой и Мѣщанской улицъ будутъ снабжены чистою водою. Живущіе-же около Сухаревой башни и Срѣтенки станутъ доставать оную въ особыхъ мѣстахъ.

Сія работа, такъ-же какъ и въ Сокольникахъ, требуетъ большой прилежности и времени, по той причинѣ, что долженствующій проходить въ сихъ мѣстахъ каналъ будетъ находиться подъ землею въ глубинѣ отъ придцати до шестидесяти шести футъ, и что находящіеся въ нихъ земляные слои состоятъ изъ наполненнаго подземною водою песку, почему и надлежитъ сію жидкость отводить прочь. Сіи неспособности учиняютъ подкопщикамъ великія препятствія, и слѣдственно требуютъ какъ въ ихъ, такъ и въ каменщичьей работѣ большой осторожности и точности.

17-е. Гдѣ каналъ выходитъ на земную поверхность, въ семъ мѣстѣ будетъ построенъ водоемъ, со сводами, на которомъ воздвигнется, въ память славной основательницы сей полезной работы, монументъ.

Въ срединѣ вышерѣченнаго водоема, находящаяся въ Неглинной вода будетъ проведена сквозь покрытый каналъ, имѣющій высоту свою въ семь, а широту въ восемь футъ, на верху коего построится украшенная столпами галлерея. Она будетъ имѣть по сторонамъ своимъ мѣста, на коихъ прогуливающіеся люди могутъ отдыхать.

18-е. Изъ Самотеки и Неглинной учинится водохранъ (резервуаръ), при коемъ будетъ находиться каменный шлюзъ, который, въ случаѣ

нужды, и можетъ употребиться къ прочищенію того канала, сквозь который проходитъ послѣдняя изъ сихъ рѣкъ; ибо могущая собираться въ него изъ города всякая нечистота найдетъ себѣ въ покрытомъ каналѣ стокъ.

Находящійся притомъ деревянный мостъ будетъ тогда сломанъ, а скатъ отъ Сухаревой башни и противнаго берега насыплется до такой высоты, какъ могутъ то позволить основанія строеній, уличныя-же воды будутъ стекать съ обѣихъ сторонъ въ сточныя пворила (его).

19-е. Дабы обыватели сего города могли имѣть не только одну хорошую воду для питья своего, но и пользовалися-бы выгодою, имѣя у себя мѣста, гдѣ мыть имъ свое платье и поить скотъ, да и доставать при пожарныхъ случаяхъ воду во всѣхъ мѣстахъ, то прожектируется, дабы построить одѣтый камнемъ каналъ, который и будетъ имѣть широту свою въ три сажени, и на всякой сторонѣ своей сходы, а для мытья бѣлья каменныя лавки.

Сверхъ-же сего, то мѣсто, гдѣ нынѣ находится прудъ, называемый *Трубою*, будетъ засыпано, и для общенароднаго прогуливанія украсится по обѣимъ сторонамъ его аллеями.

Потомъ чистая вода будетъ продолжать свое теченіе подлѣ вышеписаннаго большаго канала, по желѣзнымъ, или обыкновеннымъ водопровод-

нымъ трубамъ, до той улицы, которая находится при окончаніи трубы, гдѣ расположится одно строеніе, украшенное водоемомъ (бассейномъ), съ чистою водою, подъ которымъ находящіяся подлѣ большаго канала воды, будутъ опускаться посредствомъ водопада (каскада) внизъ на два фута.

Находящіяся въ большомъ каналѣ воды будутъ стекать подъ симъ строеніемъ, способомъ покрытаго канала и помощію построеннаго въ недальнемъ разстояніи шлюза, который и будетъ удерживать воду сего канала въ желаемой высотѣ. Сей шлюзъ можетъ употребляться и для вычищенія канала тогда, когда отворится находящійся при водохранѣ таковой-же шлюзъ.

Дождевыя и снѣговыя воды, также и находящіеся на земной поверхности ключи, будутъ имѣть свои спуски въ вышеписанный малый каналъ, и протекутъ вдоль аллеи къ сточнымъ створкамъ (его).

20-е. Какъ въ семъ мѣстѣ оба берега Неглинной имѣютъ у себя немалую высоту и крутость, отъ чего и находящійся по большой улицѣ съѣздъ учиняется весьма труднымъ, то и прожектируется, чтобы сдѣлать площадку (платформъ), которая-бы имѣла у себя такую высоту, дабы можно было спокойнымъ образомъ переѣзжать съ одной стороны города на другую.

Для учиненія-же сего проводится имѣющій своды каналъ, который и дѣлается выше нижняго канала цѣлымъ аршиномъ, для того, чтобъ въ то время, когда захочется его прочистить, придать текущимъ по немъ водамъ большую скорость; паденіе-же воды, включая въ оное и то, которое находится подъ вышеозначеннымъ строеніемъ, будетъ въ семъ мѣстѣ въ ... футъ и ... дюймовъ.

21-е. Потомъ продолжается сей каналъ до Кузнецкаго мосту, широтою въ полнюры сажени, и останавливается имѣющимся въ семъ мѣстѣ для сообщенія обоихъ береговъ города мостомъ. Что же слѣдуетъ до собирающихся въ городѣ грязныхъ водъ, то оныя будутъ стекать въ особыя пворила, а на канальныя воды при Кузнецкомъ мостѣ проведутся въ нижнемъ его сводѣ способомъ шлюза.

Лѣстницы будутъ способствовать къ мытью бѣлья и къ другимъ употребленіямъ; однимъ словомъ, весь сей буеракъ наполнится выше нынѣшняго горизонта Неглинной на семь футъ и три дюйма, и, по выровненіи онаго, насадятся по обѣимъ сторонамъ его для гулянья аллеи.

Чистыя воды будутъ постояннымъ образомъ течь подлѣ большаго канала, по желѣзной трубѣ, имѣющей діаметръ свой въ восмнадцать дюймовъ, и протекать сквозь Кузнецкій мостъ меж-

ду двухъ сводовъ къ обѣимъ водоемамъ (бассейнамъ).

На сторонѣ сего моста, надъ новымъ сводомъ, сдѣлается площадка (платформъ), или возвышенное камнемъ мѣсто (подестъ), съ насыпью (парапетомъ), а на обѣихъ сторонахъ оной построятся лѣстницы, по которымъ-бы можно было сходить какъ на гульбище, такъ и къ доставанію воды.

Для способности къ колясочной ѣздѣ будетъ также приложено стараніе, чтобъ сдѣлать съ обѣихъ сторонъ моста порядочные съѣзды.

Перейдя мостъ, построятся два водоема (бассейна), и въ каждомъ изъ нихъ по водопаду (каскаду) чистой воды, которые будутъ имѣть у себя склоненія по три фута, а между обоихъ сихъ водоемовъ будетъ протекать рѣка Неглинная, по имѣющему у себя сводъ каналу. Сверхъже онаго сдѣлается перекрестной сводъ, который соединится со сводами обоихъ водоемовъ, и поднимется на такую-же высоту, въ какой возвысится площадка (платформъ или подестъ).

Въ срединѣ сей площадки подставится подстолбіе (пьедесталъ), на которомъ и можетъ быть воздвигнутъ какой нибудь монументъ, пирамида, столпъ, или что нибудь другое. Онъ будетъ окруженъ желѣзными перилами и каменными лѣстницами.

Подъ мостомъ, для спокойствія градскихъ обывателей, оставится каналъ совсѣмъ непокрытымъ, и будетъ въ семъ мѣстѣ шириною своею въ три сажени.

Какъ въ семъ мѣстѣ Неглинная уже уширится, то находящаяся по обѣимъ сторонамъ канала земля обдѣлается уступами и скатомъ, а глубокіе и наполненные нечистотами буераки, также и болотныя мѣста засыплются, такимъ образомъ, что оба берега сей рѣки будутъ возвышены и превращены въ нѣкоторый родъ гульбища.

Потомъ, между Кишая и Тверской, учинятся два новыя сообщенія, и многіе, наполненные чистою водою водоемы.

По длинѣ большаго канала сдѣлаются приличныя мѣста для мытья бѣлья, а для сообщенія обоихъ береговъ его мосты, да и приложится стараніе, чтобъ во время пожара можно было способно доставать воду. Здѣсь надлежитъ примѣтить также и то, что назначенные для вычищенія канала и располагаемые на немъ шлюзы снабдятъ обывателей тою выгодою, что можно будетъ ими во время пожаровъ скоплять воду тамъ, гдѣ будетъ она нужною.

22-е При Воскресенскомъ мостѣ водоприводная труба проходитъ сквозь сводъ его, и на другой сторонѣ сего моста совсѣмъ перемѣняется въ каналъ, а противъ цейгауза, на самой срединѣ рѣ-

ки, сдѣлается наполненный чистою водою большой водоемъ. Сіе мѣсто, которое нынѣ есть не иное что, какъ глубокій и имѣющій въ себѣ болотную воду прудъ, будетъ насыпано, выравнено и превращено въ самое прекрасное гульбище, имѣющее въ себѣ великій водоемъ, который послужитъ, какъ украшеніемъ оному, такъ и произведетъ для жителей сей части города немалую пользу.

Назначиваемый-же для пожарныхъ случаевъ и для мытья бѣлья каналъ будетъ тогда продолжатися до самаго Троицкаго моста.

А понеже находящаяся въ семъ мѣстѣ земля понижается на цѣлые двадцать четыре фута; сверхъ-же того, часть города, лежащая около Тверской и Дмитровки, также и подлѣ Никитскихъ воротъ, находится весьма отъ чистыхъ водъ отдаленною, то и прожектируется, дабы въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится нынѣ мучная мѣльница, поставить машину, которая и будетъ приводиться къ движенію водою, состоящею въ большомъ каналѣ. Сія машина подниметъ хорошую воду въ водоемъ, который сдѣлается въ находящейся близъ моста башнѣ, изъ коей, проходя сквозь желѣзныя трубы, и поднимется оная въ сдѣланный при . . . . мѣстѣ великій водоемъ (бассейнъ), а онъ и будетъ снабжать вышнюю часть города потребнымъ для питія количествомъ воды. А понеже водоемъ расположится въ самой

вышней части города, то и можно уже будетъ въ потребномъ случаѣ снабжать чистою водою другія улицы, способомъ двухъ особливыхъ канальныхъ вѣтвей.

Текущія въ большомъ каналѣ воды, по приведеніи вышеупомянутой машины въ движеніе, впадаютъ въ рѣку Москву; но дабы въ сію рѣку не входили стекающія изъ города и несомыя водами большаго канала нечистоты, то, при томъ мѣстѣ, гдѣ она втекаетъ подлѣ . . . сдѣлается водохранъ (резервуаръ), у котораго дно его учинится гораздо ниже устья канала, которымъ впадаетъ онъ въ Москву рѣку. Сей водохранъ будетъ имѣть у себя подземный спускъ, которымъ по осенямъ и станетъ вода его спускаться до суха, почему и останется онъ таковымъ дотолѣ, когда каналъ получитъ въ Москву рѣку новое теченіе; зимою-же, когда настанутъ морозы, будетъ изъ сего водохрана вычищаема собравшаяся въ немъ грязь. Охотникамъ до садовъ позволится брать оную для улучненія земель своихъ, а буде не захотятъ они ею пользоваться, то станетъ она употребляться для насыпки по немногу большаго буерака.

Хотя прожектъ о приведеніи воды и распространяется только до сей цѣли; но можно по обстоятельствамъ времени и мѣста, учинить въ немъ потребныя перемѣны, въ такомъ случаѣ,

когда по непредвидимымъ приключеніямъ учинится ономy какое нибудь препятствіе, или, по точнѣйшимъ изысканіямъ, обрѣтется для него гораздо выгоднѣйшее расположеніе.

Здѣсь умалчивается также о многихъ другихъ выгодахъ, которыми способомъ сихъ водъ можно снабдить Московскихъ обывателей, какъ на примѣръ, о томъ, чтобъ близъ Пушечнаго двора пропустить чистую воду особливою вѣтвію въ другую часть города, ибо таковое предпріятіе показалося-бы для перваго случая весьма обширнымъ, хотя въ расположеніи сего прожекта и были различныя цѣли столь много наблюдаемы, что и можно ожидать отъ него въ будущія времена гораздо большихъ выгодъ.

Чертежъ показываетъ нивеллированіе смежныхъ ключей отъ самаго ихъ начала до впаденія въ Москву рѣку. На немъ съ величайшею точностію назначены различныя возвышенія и пониженія той земли, по которой проведется водоприводная труба, такъ-же и потребное раздѣленіе въ паденіяхъ, кои долженствуютъ быть приданы текущимъ въ немъ водамъ, съ присовокупленіемъ назначиваемыхъ по мѣстамъ шлюзовъ.

Для проведенія сихъ водъ назначенъ *миллiонъ и сто тысячь рублевъ*; но въ сіе число не включается дѣланіе всякихъ украшеній, монументовъ и прочаго, ибо ономy не сдѣлано еще

и точной смѣты; для того, что неизвѣстно какой чертежъ выберется къ соображенію, и какіе употребятся матеріялы; также и какимъ образомъ пожелается ихъ построить.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ФАРИСЪ (*).

(Арабская повѣсть. — Соч. Мицкевича).

Веселый челнъ, отъ брега убѣжавъ,
По голубымъ струямъ гуляетъ;
И сладострастными онъ веслами обнявъ
Грудь моря, шею воздымаетъ,
Какъ лебедь гордый, надъ волной.
Таковъ Арабъ, когда съ крутой
Скалы въ пустынную равнину
Стремитъ лихаго скакуна,
Когда шумятъ въ пескахъ копыта летуна,
Какъ раскаленна сталь, упавшая въ пучину!

По морю сухому плывешь
Ужь конь мой, отважный, могучій;

(*) Фарисомъ именуютъ Арабы лихаго наѣздника.

Какъ моржъ крѣпкогрудый, сѣчетъ
Онъ персями волны сыпучи.
Все мчится смѣлѣй и смѣлѣй,
Ногами песокъ разметаетъ;
Все выше несется, быстрѣй;
Надъ пылью, какъ птица, взлетаетъ!

Какъ туча бурная, скакунъ мой вороной!
Звѣзда чела блеститъ, какъ свѣтъ зари игривой;
Какъ перьемъ строуса, играетъ вѣтеръ гривой,
И молніи сыплются изъ-подъ копытъ струёй!

Скачи, летунъ мой бѣлоногій!
Лѣса и горы, прочь съ дороги!

Тщетно, съ тѣнью и плодомъ,
Пальма ждетъ къ себѣ меня:
Вырываюсь отъ нея;
Пальма кроется съ стыдомъ
Оазиса въ глубинѣ,
И во слѣдъ смѣется мнѣ,
Тихимъ шелестомъ вѣтвей,
Надъ надмѣнностью моей.

Ушесы, сторожа пустыни вѣковые,
Мнѣ, Бедуину, въ слѣдъ бросаютъ взгляды злые,

И, топотъ конскихъ ногъ дразня,
Стращаетъ эхо такъ меня:
«Куда безумецъ скачетъ смѣлый!
«Тамъ солнца пламенныя стрѣлы:
«Отъ нихъ главы онъ не спасетъ
«Ни пальмъ зелеными власами,

«Ни бѣлогрудыми шатрами;
«Шатеръ одинъ тамъ — неба сводъ!
«Одни ушёсы тамъ ночуютъ,
«Однѣ лишь звѣзды тамъ кочуютъ!»

Напрасно эхо мнѣ грозитъ!
Я бью коня; мой конь летитъ;
Взглянулъ... далеко ужь остались
Ушесы гордые за мной,
И, другъ за друга, въ длинный строй,
Стыдомъ покрытые, смыкались.

Услышалъ хищный вранъ угрозы, и возмнилъ,
Что Бедуина въ плѣнъ возмешь въ пустынѣ съ бою.
Ударилъ крыльями, пустился въ слѣдъ за мною,
Три раза чернымъ мнѣ вѣнкомъ чело обвилъ.

«Слышу,» кричалъ онъ, «будутъ мнѣ трупы (*):
«Всадникъ и конь его, оба вы глупы!
«Всадникъ въ пустынѣ ищетъ пути,
«Пастьбища ищетъ конь бѣлоногій.
«Всадникъ и конь! всѣ напрасны труды:
«Есть сюда путь, но отсель нѣтъ дороги.
«Вѣтры лишь ходятъ здѣсь среди степей,
«Пылью и прахомъ слѣдъ застилая;
«Кони не топчутъ здѣшняго края,
«Пастьбище здѣсь—для гадовъ и змѣй.

(*) Обитатели Аравіи вѣрятъ, что хищныя птицы предчувствуютъ смерть человѣка. Какъ скоро умретъ путешественникъ, онѣ появляются надъ нимъ стадами; это и возродило всеобщій предразсудокъ.

« Трупы только здѣсь ночуютъ,
« Только враны здѣсь кочуютъ! »

Такъ хищный вранъ кричалъ, ширяясь на лету,
И угрожая мнѣ блестящими когтями.
Другъ друга трижды мы окинули глазами...
Кто-жь испугался? Онъ, и спасся въ высоту!
Когда-жь слѣдилъ его я взоромъ за собою,
И, напрягая лукъ, карать его хотѣлъ,
Онъ сѣрымъ пятнышкомъ ужь въ воздухѣ висѣлъ;
Сначала съ воробья онъ былъ величиною,
Потомъ сталъ съ мотылька, тутъ комаромъ мелькнулъ,
И наконецъ совсѣмъ въ эѳирѣ утонулъ.

Скачи, летунъ мой бѣлоногій!
Ушесы, враны, прочь съ дороги!

Вдругъ изъ-подъ солнца, на бѣлыхъ крылахъ
Вырвавшись тучa, пернатой стрѣлою
Неба по своду помчалась за мною:
Ей захотѣлось прослышь въ небесахъ
Такъ-же гонцомъ, какъ прослылъ я въ степяхъ.
Туча, надъ самою ставъ мнѣ главою,
Свиснула съ вихремъ угрозой такою:

« Куда онъ, бѣшеный, летитъ?
« Тамъ въ жаждѣ грудь его изноетъ;
« Тамъ дождь студеный не омоетъ
« Покрышыхъ пылію ланитъ!
« Серебрянымъ въ пустынѣ словомъ
« Ручьи отвѣта не дадутъ;
« И прежде чѣмъ росы перловой

«На землю капли упадутъ,
«Ихъ вѣтры алчны разнюютъ!»

Угрозы тщетныя! Несусь, забывъ усталость!
Вдругъ туча, утомясь, на небѣ зашаталась;
Все внизъ и внизъ она главой своей клонясь,
На скалы наконецъ крылами оперлась;
Когда-жъ съ презрѣніемъ взглянулъ я за собой,
На небо цѣлое была она за мною.
Злой умыселъ у ней примѣтилъ я въ очахъ:
Она сначала вся отъ злости покраснѣла,
Тутъ, желчью зависти облившись, пожелтѣла,
И почернѣвъ, какъ трупъ, сокрылася въ горахъ.

Скачи, летунъ мой бѣлоногій!
Прочь враны, шучи прочь съ дороги!

Тутъ очами вкругъ себя
Солнца путь окинулъ я:
Ужь ни небомъ, ни землею
Не гнался никто за мною.
Здѣсь природа въ сладкомъ снѣ,
И не слышенъ ей отъ вѣка
Шумъ походки человѣка;
Здѣсь стихіи въ тишинѣ
Дремлютъ, пробуда не зная:
Такъ блуждающихъ звѣрей
Ненапуганная стая,
Невидавшая людей,
Не бѣжитъ отъ ихъ очей.

Но, я не первый здѣсь! На холмѣ, за оградой,
Какихъ-то всадниковъ свѣтлѣетъ длинный рядъ:

Заблудшіе-ль они, поставлены-ль засадой?
Я къ нимъ — они сошлись; зову — они молчатъ!

То трупы! — Караванъ несчастный,
Погибшій въ древніе вѣка!
Ихъ вѣтеръ вырылъ изъ песка:
Верблюдовъ остовъ безобразный
Костьми осѣланъ ѣздоковъ.
Изъ глазъ пустыхъ, изъ голыхъ ртовъ
Текутъ, шумя, ручьи песчаны,
И слышенъ гулъ зловѣщихъ словъ:
«Куда, безумецъ, вдоль песковъ
«Стремишься ты? — Здѣсь Ураганы!»

Несусь безстрашно вдоль песковъ!
Скачи, летунъ мой бѣлоногій!
Прочь трупы, Ураганъ — съ дороги!

Ливійской страны мятежникъ и страхъ,
Ходилъ Ураганъ въ топучихъ пескахъ;
Завидѣвъ меня, еще издалёка,
Недвижно онъ сталъ, и въ думѣ глубокой,
На мѣстѣ крутясь, шумѣлъ самъ съ собой:
«Кто тамъ? — Не вихорь-ли, братъ мой меньшой?
«Толь низкій полетъ и ростъ не высокой!
«Какъ смѣетъ въ моемъ онъ наслѣдьи гулять?
«Какъ смѣетъ мою онъ землю топтать?»

Взревѣлъ тутъ Ураганъ сердитой;
И, съ воемъ, прямо на меня
Понесся грозной пирамидой.
Увидя-же, что смертный я,

И жду его къ себѣ безъ страха,
Объятый злобою, съ размаха
Ногой онъ землю поразилъ,
Иракъ онъ цѣлый возмутилъ,
И ухватилъ меня когтями,
Какъ птицу кровожадный грифъ.
Дыханьемъ огненнымъ паливъ,
Мешалъ песокъ въ меня клубами,
Крылами пыли поражалъ,
О землю билъ и вверхъ кидалъ.
Я возсіпаю; сражаюсь смѣло;
Врага хвашаю моего;
Въ куски песчаное рву шѣло,
Грызу зубами я его.
Напрасно вырваться старался
Изъ рукъ моихъ онъ въ боѣ томъ,
Чшобъ въ небо улетѣть столпомъ;
Не вырвался, а разорвался
Онъ по поламъ, и — съ шумомъ палъ:
Песчаный хлынулъ дождь рѣкою,
И длинный трупъ его предъ мною,
Какъ городской простерся валъ!

Я ошдохнулъ! — Смотрѣлъ я гордыми глазами
На сводъ, усѣянный звѣздами,
И, взглядами златыхъ очей,
Всѣ звѣзды мнѣ привѣтъ умильно посылали.
Одинъ я былъ среди степей,
На *одного* меня съ небесъ онѣ взирали!
Какъ грудью полною тутъ сладостно дышать!
Перевожу теперь я духъ просшранно, смѣло:
Едва-ли воздуха Аравіи мнѣ цѣлой

На все дыханье можетъ спашь!
Какъ взгляды полные шутъ мило простирашь!
Напрягся глазъ мой шакъ далёкс,
Далеко шакъ, и шакъ широко,
Что видитъ болѣ свѣта онъ,
Чѣмъ заключаетъ небосклонъ!
Какъ раменами шутъ расправиться отрадно!
Объятья дружнія распростираю жадно,
И, кажется, весь обнялъ міръ
Отъ Запада и до Востока!
Несется мысль моя далёко:
Она летитъ стрѣлой въ эоиръ;
Все выше, выше все, къ хребшу небесъ взлешаетъ!
Какъ жало ушопивъ въ цвѣшахъ,
Пчела съ нимъ сердце погребаетъ,
Такъ съ мыслью — ушопилъ я душу въ небесахъ!

Сіяновъ.

Вологда.

ДНѢПРОВСКІЙ БЕРЕГЪ.

(Отрывокъ изъ романтической поэмы: Владиміръ Великій).

Душиста ночь святаго мая.
По небу синему луна,
Какъ-бы невѣста молодая,
Плывешъ задумчива, блѣдна;
Очей лѣнивыхъ не отводитъ
Она отъ быстраго Днѣпра,

Лучами томными наводитъ
На немъ оттливы серебра.
Все тихо: въ рощѣ благовонной,
Своей подругѣ благосклонной,
Не свищетъ пѣсню соловей,
Томимый негой сладострастной,
И скатерти Днѣпра атласной
Не тронутъ весла рыбарей!

Все тихо. — Но въ дали туманной
Кто-жь это? Всадникъ молодой:
На немъ шеломъ и панцырь бранный
Блестятъ насѣчкой золотой;
Какъ птичка вольная порхаетъ
Его товарищъ вороной.
Кто-жь этотъ всадникъ молодой?
Куда онъ путь свой направляетъ
Такою позднею порой?
То нашъ Рогдай. Въ странѣ далекой
Поилъ онъ кровью мечъ широкой,
Разилъ коварныхъ Печенѣгъ
За ихъ незванной, и жестокой,
И сокрушительный набѣгъ.
Теперь спѣшитъ онъ въ Кіевъ славный,
Куда зоветъ богатырей
Владиміръ Князь на пиръ мечей,
На пиръ отваги своенравной.
Еще далекъ Рогдаю путь,
Но онъ не смѣетъ отдохнуть!
Сей берегъ страшенъ: здѣсь порою
Обходитъ лѣшій пришлецовъ;
Здѣсь бродятъ вѣдьмы, храбрецовъ

Пугая страшной кутерьмою,
То черной кошкой, то совой,
Съ когтьми, съ змѣиной головой. —
Но тихо все. Лишь мѣсяцъ ясный,
Наперстникъ ночи самовластный,
Въ гаремѣ звѣздъ, какъ Падишахъ,
И величавый, и прекрасный,
Лежитъ на мягкихъ небесахъ;
Лишь отъ цвѣтовъ долины вѣя
Къ нему восходитъ аромашъ;
Лѣса, шелохнуться не смѣя,
Какъ очарованы стоятъ,
И самый Днѣпръ, прервавъ журчанье
Своихъ серебряныхъ валовъ,
Въ объятьяхъ сладостныхъ молчанья
Заснулъ спокойно у береговъ.
Рогдай все далѣ; но мечтанье
Волнуетъ молодую грудь,
Ему докучное желанье
Все шепчетъ: « *Витязь, здѣсь побудь*!
И витязь думаетъ: » Не худо
« Коню усталому вздохнуть,
« На мягкой зелени покуда;
« Намъ съ нимъ еще не близокъ путь!
« Хоть мѣсто страшно, но отъ чуда
« Авось избавлюсь какъ нибудь!
« А если-жь? Съ Бабою-Ягою
« Не струшу потягаться я;
« Живой и мертвою водою
« Она не проведетъ меня! » —
Задумалъ, сдѣлалъ. Надъ рѣкою
Садится добрый нашъ Рогдай,

Коню промолвя : « Конь ! гуляй ,
« Потѣшься шелковой травою ,
« Воды святой Днѣпровской пей ,
« А завтра, съ утренней зарёю ,
« Опять въ дорогу мы съ тобою
« Къ богатой родинѣ своей. »

Онъ сѣлъ , и слышитъ нѣжный , томный ,
Обворожительный напѣвъ ;
Онъ видитъ : хоръ прекрасныхъ дѣвъ
Плыветъ по лону влаги сонной ;
Горой алмазною встаетъ
Рѣка подъ пышными грудями ,
Играетъ длинными косами ,
И съ ропотомъ къ стопамъ падетъ.

Хоръ Русалокъ.

« На днѣ рѣки твой свѣтлый храмъ ,
Царица радости сердечной ;
Тамъ сладко дышетъ ѳиміамъ
Любови пламенной и вѣчной !

Тамъ одръ изъ яркихъ хрусталей
Покрытъ роскошной багряницей ,
Счастливъ , кто одръ волшебный сей
Раздѣлитъ съ нашею Царицей !

Счастливъ , кому въ ея рѣчахъ
Горитъ привѣтъ любови страстной :
Онъ на привѣтливыхъ устахъ
Утонетъ въ негѣ сладострастной ! »

Онѣ поютъ; кому-жь поютъ?
Гдѣ ихъ прекрасная Царица?
Онѣ плывутъ; куда-жь плывутъ,
И чья за ними колесница
Влечется парой лебедей?
Богиня-ль дивная какая
Сидитъ безмолвная на ней,
Весломъ задумчиво играя?
Съ ея главы коса густая
Небрежной падаетъ волной,
И нѣжно перси лобызая
Свилась надъ бѣлою рукой.
Свѣтла, какъ неба Персиспіана
Наметъ высокой, голубой;
Стройна, какъ пальма Индостана;
Мила, какъ вольный гость полей
Среброчешуйчатый ручей!
Она очами голубыми
Сошлась, какъ будто невзначай,
Съ очами черными твоими,
Неосторожный мой Рогдай.
Какъ таетъ снѣгъ весною ясной,
Растаялъ вишязь молодой,
Готовъ онъ пасть къ ногамъ прекрасной,
Молить любви ея святой —
И вдругъ робѣетъ, цѣпенѣетъ,
Какъ будто жертва подъ ножёмъ:
Такъ мысль безумная не смѣетъ
Предстать предъ огненнымъ умомъ!

Хоръ Русалокъ.

« Подъ тѣнью ивы раздвоенной
Разстелемъ бархатный коверъ,
Надъ нимъ поставимъ золоченой
Съ шелковой завѣсой шатеръ!
Туда Царица молодая
Зайдетъ, гуляя по волнамъ,
И шамъ счастливаго Рогдая
Прижметъ къ пылающимъ устамъ.
О, витязь добрый и прекрасной!
Спѣши въ объятьи дѣвы страстной! » . . .

. . . И все одѣлось въ обольщенье,
Какъ будто въ душу льетъ любовь
Согласное Русалокъ пѣнье,
Молчанье рабское лѣсовъ
И сонъ Днѣпра, подъ мирной тѣнью
Его косматыхъ береговъ.
Вошъ дунулъ вѣтерокъ нагорный
И розу шронулъ, и она,
Какъ-бы отъ сна пробуждена,
Своей короной благовонной,
Облитой жемчужной росой,
Качаетъ, манитъ, какъ живая,
Обвороженнаго Рогдая
Къ Царицѣ водъ, въ струи Днѣпра,
И блещетъ море серебра
Вокругъ волшебной колесницы,
Звучнѣй поютъ любви пѣвицы,
Имъ вторитъ эхо дикихъ горъ,

И полонъ слезъ чудесный взоръ
Ихъ страстно-дышущей Царицы . . .
. . . Не видно посреди зыбей
Ни юныхъ дѣвъ, ни лебедей,
Ни колесницы, ни Рогдая.
Но вотъ, прахъ черный воздымая,
Страны полночной великанъ,
Какъ-бы отмщеніемъ пылая,
Явился грозный Ураганъ
И двинулъ брегъ Днѣпра зыбучій
Своею жилистой рукой;
Проснулъ Днѣпръ, возсталъ горой
И съ нимъ вступилъ въ ужасный бой,
Свиваясь, будто змѣй гремучій
Кольцеобразной чешуёй.
Непроницаемыя тучи
Закрыли мѣсяцъ золотой,
И грянулъ громъ, и лѣсъ дремучій
Склонился дряхлой головой.
Какъ будто вѣка отъ начала
Такого чуда надъ собой
Еще природа не видала.

Елагинъ.

РАЗСКАЗЪ НА БИВАКѢ.

(Истинное происшествіе.)

Посреди военныхъ тревогъ и бивачной жизни, въ осень 1828 года, близъ самыхъ стѣнъ въ то время еще непобѣдимой, Варны, я познакомлся съ однимъ офицеромъ. Пылкій мечтатель, онъ походилъ болѣе на одного изъ тѣхъ солдатъ, которыхъ отчаяніе призываетъ подъ бранныя знамена, и нелюбовь къ свѣту дѣлаетъ храбрыми, нежели на тѣхъ поклонниковъ войны, которые бываютъ мужественны по разсчетамъ разума, и въ своемъ мужествѣ видятъ средство облагородить честолюбіе свое. Я познакомился съ нимъ во время одной изъ частыхъ моихъ поѣздокъ, дѣланныхъ мною по обязанности службы, которыя, не утомляя своимъ разнообразіемъ, тѣшили меня и заставляли забывать грустное состояніе моего сердца... *Свой своего видитъ издалека*, говорятъ Русскіе, и справедливость этой поговорки сбылась надъ нами. Обыкновенное привѣтствіе, въ подобныхъ случаяхъ немногими замѣчаемое, и сердечный способъ изъясненія, впрочемъ общій всѣмъ подъ свистомъ пуль, привязали меня къ

нему, и въ тоже время расположили его ко мнѣ, какъ къ брату, какъ къ другу....

Я видался съ нимъ довольно часто. Иногда вечеромъ мы просиживали по цѣлымъ часамъ нагорѣ, въ двухъ или 3-хъ верстахъ отъ Варны, и слѣдуя за изогнутымъ полетомъ Конгревовыхъ ракетъ, громившихъ крѣпость, повѣряли другъ другу событія прошедшихъ лѣтъ, если часто печальныя, то всегда сладостныя для очарованнаго воображенія.

— Непостижимо — сказалъ я однажды — устроены общества человѣческія. Жизнь, драгоцѣннѣйшая собственность наша, въ иныхъ случаяхъ такъ-же легко расходуется, какъ мѣлкія серебряныя деньги... И человѣкъ, которой въ мирное время совѣстится сдѣлать выговоръ лѣнивому служителю, въ военное — хладнокровно убиваетъ храбраго незнакомца!

"Соглашаюсь, что въ войнѣ много зла", отвѣчалъ онъ," но война необходимость въ нашемъ, еще необразованномъ мірѣ; уничтожьте ее, и какимъ образомъ спротививаго противника, неуважающаго прежнихъ договоровъ, принудить къ исполненію ихъ? Какъ защитить мирныя поля земледѣльцевъ отъ вторженія беспокойнаго сосѣда? Нѣтъ, мой другъ! война еще долго будетъ единственнымъ средствомъ убѣжденія въ справедливости, и защищенія правъ народныхъ!... Еще долго не взой-

день прекрасная заря образованія и мира. Ко
нечно, она впервые блеснетъ на горизонтѣ Евро
пейскомъ, но до того времени, какъ часы
этотъ горизонтъ будетъ алѣть отъ пожаров
военныхъ, и какъ часто пороховой дымъ отъ
чаяннаго боя будетъ скрывать прекрасный свод
нашего прекраснаго Сѣвернаго неба!

«Впрочемъ, ты почитаешь войну зломъ; д
развѣ среди покоя гражданской жизни не ведутъ
люди безпрерывную войну? Развѣ сластолюбецъ
посягающій на пагубу невинности, ростовщикъ
грабящій имѣніе неопытнаго расточителя, игрок
на вѣрное, этотъ разбойникъ большихъ обществъ
это фантастическое лицо образованныхъ наро
довъ, не суть враги, а дѣйствія ихъ непріятельскія
дѣйствія? И когда ты узнаешь, что порокъ так
ухитрился, что иногда избѣгаетъ меча право
судія и бича законовъ, то развѣ вздохнешь спо
койнѣе? Нѣтъ! По моему благороднѣе открыто
нападать на непріятеля, нежели тайно разру
шать благоденствіе семействъ. Сочти всѣ силь
нѣйшія страсти, которыми люди заражаются въ
мірѣ: честолюбіе, скупость, гордость — сихъ
бичей человѣческаго счастія — разврашъ ума и
сердца, и потомъ выведи: гдѣ можно спокойнѣе
ожидать смерти: въ душныхъ-ли улицахъ обшир
наго города, или на широкомъ раздольѣ походнаго кочевья? — Результатъ очевиденъ!

«Почти это, другъ мой, привело меня къ

знаменамъ, сроднило меня съ солдатствомъ. Приготовленный быть мирнымъ гражданиномъ, я съ перомъ и книгами провелъ нѣсколько счастливыхъ лѣтъ моей жизни, и думалъ, что этою ровною, прямою стезею дойду я до общей цѣли. . . Ты видишь, какъ я былъ неопытенъ! Въ 25-ть лѣтъ одне книги не наполняютъ пустоты сердца; воображеніе созидаетъ блестящій идеалъ; сердце хочетъ его осуществить; разумъ смѣется и говоритъ: «Дѣти! вы шалите» — но не смотря на увѣщанія аргуса, дѣти ищутъ любимой игрушки, не находятъ ея, тоскуютъ, грустятъ, и — очарованіе жизни оспается въ минувшемъ!

«Тоже, что было съ милліонами людей отъ Цезаря до послѣдняго рыболова Финскаго, то случилось и со мною; я полюбилъ любезную дѣвушку, которую, какъ водится, нашелъ совершенно сходною съ моимъ идеаломъ, чудесно мною облагороженнымъ, и — жилъ только въ мечтахъ! Мои занятія, доселѣ отрадныя, мои книги, доселѣ мои милые товарищи, были оставлены, и печально ожидали, когда къ нимъ ворочится измѣнникъ... Онѣ долго ждутъ его!

«Къ чему толковать о мелочахъ. Я не скажу тебѣ, что доставило мнѣ знакомство съ моею небесною, незабвенною дѣвушкою; что отворило мнѣ входъ въ домъ ея отца; что заставило отца терпѣть меня, отца, гордаго, напыщеннаго человѣка, который измѣрялъ достоинство жени-

ха своей дочери величиною его родословнаго де
рева, какъ будто добраго тополя! Только дѣл
въ томъ, что я уже наединѣ тысячу разъ пвер
дилъ Лизѣ священную клятву: *любить ее бо*
лѣе своей жизни, и она, съ робкою засты
чивостію, увлекаемая пылкостію моей страсти
клялась *любить меня до могилы*, *принад*
лежать только мнѣ!

« Но, моя клятва до сихъ поръ не разрушена
между тѣмъ какъ ея клятва быть можетъ ни
когда не исполнится! Видишь, въ чемъ дѣло (ска
залъ мой товарищъ, и, какъ-бы теряясь въ меч
тахъ, остановился, а потомъ продолжалъ с
горькою улыбкою): точно такъ-же, какъ въ эт
мгновеніе, тамъ съ батареи, устроенной близ
Лимана Девно, поднялись вдругъ двѣ ракеты. Из
нихъ одна, пышная, блестящая, хотя брошен
на удачу, и догоритъ въ воздушномъ простран
ствѣ, очаровываетъ толпу необразованныхъ про
столюдиновъ, между тѣмъ какъ другая, вѣрн
направленная, стремясь прямо къ цѣли, но без
блеска, не обращаетъ на себя взоровъ, и разв
только опытный глазъ знатока, угадавъ вѣрност
даннаго ей направленія, остановится на ней н
одно мгновеніе, и то чтобы повѣрить себя..
такъ было и со мною. Не я одинъ искалъ любв
прелестной дѣвушки. Богатый Графъ явно
громко требовалъ того, о чемъ я смѣлъ тольк
мечтать, о чемъ я не смѣлъ говорить людямъ... Ег

дорога въ жизни была замѣшнѣе той тропинки, по которой вела меня скромная судьба моя; объ его правахъ на извѣстность возвѣщали знатная родня, большія владѣнія и роскошь пировъ его... Могли-ли тутъ сдѣлать перевѣсъ прилежаніе, можетъ быть, познанія и способность къ дѣлу, никому неизвѣстныя, никѣмъ незамѣченныя, или опредѣленныя однимъ, двумя лицами, не имѣющими вѣса въ обществѣ... Можетъ быть меня хотѣли удалить, когда изъ-подъ руки сказали: ищи имени въ обществѣ; путь къ честямъ открытъ тебѣ; сдѣлайся достойнымъ моей дочери; упрочь себѣ право на любовь ея, и—она будетъ твоею. Я не хотѣлъ, нѣтъ, я боялся предполагать, что есть хитрость въ свѣтѣ! Прямая дорога къ почестямъ: вотъ дорога счастливаго воина. Можетъ быть ко мнѣ судьба будетъ благосклонна, подумалъ я. Брань запылала у Дуная, и я—изъ студента перерядился въ воина. Правда, на меня иногда находятъ минуты, въ которыя я вижу дѣйствія людей прямо; негодованіе жжетъ грудь мою, и нелюбовь къ нимъ вкрадывается болѣе и болѣе въ сердце, гдѣ пылаетъ благодатное, святое чувство любви, которое дѣлаетъ меня храбрымъ, а надежда—я краснѣю, я ребенокъ, но, признаюсь тебѣ, мой милый—она золотитъ мнѣ будущее, она дѣлаетъ меня почти счастливымъ....»

Мы разстались съ нимъ поздно вечеромъ. На зарѣ слѣдующаго дня взятъ былъ нашими шты-

ками непріятельскій редутъ. Новое, славное дѣло Рускихъ влекло меня осмотрѣть наши профеи. Спускаюсь съ горы, ѣду по извивистымъ дорожкамъ, между виноградниками, въ то время окружавшими еще Варну, къ нашей передовой цѣпи. Вотъ уже завоеванный редутъ. «Многоли убитыхъ нашихъ?» спрашиваю егеря, одного изъ Анапскихъ героевъ.—Немного, Ваше Высокоблагородіе. — «Кто изъ офицеровъ?» — Солдатъ опвернулъ плащъ, разостланный на землѣ. Блѣдный, безжизненный трупъ лежалъ предъ мною. Всматриваюсь... Боже Всемогущій! Кто-бы могъ вообразить? Это былъ мой товарищъ! Одною рукою онъ держался еще за свою полусаблю; другая покоилась на груди его; изъ разстегнутаго сюртука блестѣлъ медальонъ, съ изображеніемъ дѣвушки, въ цвѣтѣ жизни, съ очаровательною улыбкою, которую творитъ счастливая любовь, и которою награждается только одна любовь!... Я хотѣлъ было снять портретъ, но — *спи съ нимъ спокойно*! вырвалось изъ моего сердца, и мнѣ вдругъ стало такъ тяжело, такъ грустно смотрѣть на хладное тѣло юноши, еще вчера полнаго жизнію, еще вчера мечтавшаго о радостяхъ любви, что я въ горести далъ шпоры моей лошади, и помчался вскачь по винограднику. Желаніе славы и почестей увлекло пылкаго молодаго человѣка въ ряды охотниковъ, вызвавшихся вплести въ военный вѣнецъ Русской арміи

новый, блестящій цвѣтокъ, и право на имя храбраго предано ему неблагосклоннымъ жребіемъ въ то время, когда онъ пересталъ принадлежать къ нашему міру.

Кампанія 1828-го года кончилась; войска на зимнихъ квартирахъ забывали шумъ и ужасы брани; я хотѣлъ освѣжить себя, и въ Январѣ очутился въ вихрѣ Кіевскихъ Контрактовъ. Тутъ толпились дворяне, дѣльцы, поссессоры, всѣ кому должно было что либо дѣлать, или кто не хотѣлъ ничего дѣлать. Шумное многолюдство кипѣло на спогнахъ Кіева; въ залахъ Контрактоваго дома блестѣло золото, хлопотала промышленность, бродила праздная лѣнь, или искала какого нибудь предмета для разсѣянія томительная скука. Я хотѣлъ новыми впечатлѣніями уменьшить живое чувство грусти, и, конечно, не могъ для сего выбрать ничего лучше поѣздки въ Кіевъ. Дѣйствительно: общество въ Контрактномъ залѣ можетъ занять любопытнаго зрителя. Закутавшись въ шинель, въ фуражкѣ, тамъ гуляетъ какой нибудь магнатъ старой Польши, тутъ Бердичевскій Жидъ хлопочетъ о томъ, какъ сбыть большой запасъ вина разсчетливому Русскому купцу, или лихой уланъ упрашиваетъ продолжить срокъ уплаты своего долга. Если вы устали смотрѣть на такое пестрое братство, то мгновенно сцена измѣняется, гремитъ музыка, и прелестныя Польки волшебно носятся въ мазуркѣ.

Иногда, жалкая труппа скитающихся акпёровъ привлекала меня своими каррикатурными аффишами, и я ѣздилъ смотрѣть ихъ прозаическія представленія съ тѣмъ-же наслажденіемъ, съ какимъ въ старые годы читалъ опи бездѣлья бѣдныя, ничтожныя критики комическихъ писателей водевилей. Но чаще всего любилъ я смотрѣть на очарованное общество Цыганокъ: тамъ я забывался; тамъ сладко, отрадно проводилъ вечера. Восхитительное, живое, поэтическое пѣніе нашихъ народныхъ пѣсенъ переносило меня въ прекрасный міръ воображенія, мирило меня съ жизнію, съ людьми; оживляло прошедшія радости и надежды, и самое воспоминаніе о бѣдствіяхъ украшало какимъ-то очарованіемъ.

Однажды вечеромъ я пріѣхалъ по обыкновенію своему слушать пѣніе Цыганокъ. Общество было многочисленнѣе, нарядпѣе всегдашняго. Это заняло меня; я началъ перебѣгать ряды креселъ, въ надеждѣ встрѣтить знакомыхъ. Смотрю; это странно: милое, прелестное лицо это мнѣ знакомо. Когда-то, въ важную минуту моей жизни, я видѣлъ красавицу... Она? Нѣтъ! я не встрѣчалъ ея на бывалыхъ гуляньяхъ моихъ по островамъ нашей сѣверной столицы; я не видалъ ее и на бульварахъ Москвы! Это лицо не имѣетъ выраженія нашихъ соотечественницъ! Долго вызывалъ я изъ забытія то мгновеніе, въ которое въ первый разъ увидѣлъ красавицу, съ ея пѣсня-

щимся въ сердце взоромъ. Между тѣмъ, сладкое, согласное пѣніе разливалось по залѣ; оно, какъ очарованные гимны, какъ не-земные звуки, какъ языкъ прекраснаго, незнакомаго міра носилось въ пространствѣ залы, и воображеніе мое, яснѣя, оживляясь, раскрыло мнѣ всю жизнь мою, всѣ дни моей жизни, съ ихъ неуловимыми мгновеніями. Оно осуществило въ памяти моей поѣздки мои къ снѣжному Алтаю, по пологимъ берегамъ Иртыша, оживило сѣверный Тобольскъ, красивую Казань, пустынныя воды моей родной, дикой Карелiи, мои надежды, мою любовь... бивачные дни... моего не существующаго товарища... его хладный, распростертый трупъ, съ окаменѣлою рукою на груди у медальона... Такъ! я встрѣчалъ въ жизни этотъ взоръ, я видѣлъ — портретъ красавицы! Но въ это самое мгновеніе пѣніе окончилось; начали выходить изъ залы; за гордою красавицею спѣшила шумная толпа свѣтской молодежи, и богиня такъ щедро, такъ не разборчиво дарила каждаго своею не-земною улыбкою, что, *кто эта дама*? спросилъ я у своего сосѣда, съ невольнымъ изумленіемъ. — Это извѣстная Графиня Л***, отвѣчалъ онъ. — «А пожилой человѣкъ?» — Мужъ ея! — Графиня прекрасная птичка, продолжалъ сосѣдъ мой съ усмѣшкою — вырвавшись изъ неволи родительскаго дома, на милой волѣ рѣзвится она; но, какъ не простить красавицѣ: она только недѣлю переспала называться невѣстою.

И такая женщина могла вдохнуть пламенную страсть, небесное чувство, въ сердцѣ одного изъ благороднѣйшихъ людей, которыхъ я встрѣчалъ въ жизни? Непостижимо!

Карлгофъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА.

На прошедшей недѣлѣ я посвятилъ цѣлый вечеръ А...—половину его мы проговорили о тебѣ, и главнымъ предметомъ нашихъ разговоровъ была мысль: *отгадать будущую твою судьбу*. Природа, чеканя людей, налагаетъ на каждаго особый штемпель, по которому въ послѣдствіи судьба распредѣляетъ нашею участью. Воспитаніе и общество спираютъ оттискъ; но металлъ остается тотъ-же. Торжественной присягой подтверждаю, что тебѣ опредѣлено *быть счастливымъ*, и если ты къ этому присоединишь искуство *заставить любить* себя, то твоя жизнь будетъ имѣть много завиднаго. Но на этомъ морѣ, которое такъ привѣтливо и попутно влечетъ тебя, скоро представится мирная пристань жизни семейственной... или бездонная пучина золъ, въ которой погибли мил-

ліоны добрыхъ людей, достойныхъ лучшей участи. Въ царствѣ подземномъ сею фалангою предводительствуетъ мудрый Сократъ. Да избавитъ тебя Господь отъ Ксантиппы! Въ Природѣ есть какая-то сила, назначенная вредить людямъ и обращать собственныя ихъ дѣйствія на ихъ погибель. Я не говорю о поступкахъ, условно недолжныхъ: нѣтъ, самые невинные, даже осторожные, по какому-то невидимому направленію увлекаютъ насъ въ пропасть. Въ физическомъ мірѣ злобный геній олицетворяется змѣемъ удавомъ, который, обворожая животныхъ смертельною тоскою, спокойно лежитъ съ отверстой пастью... несчастныя жертвы сами въ нее падаютъ.

Неужели ты до сихъ поръ не вспрѣпилъ женскаго существа, о которомъ-бы стоило написать?... Ты довольно легко воспламеняешься, хотя это отнюдь не порука за твои чувства. Впрочемъ, разсказъ твой все таки занимателенъ. Я знаю, что женщина обыкновенная не овладѣетъ тобою; но берегись, чтобы Провидѣніе не казнило тебя твоимъ идеаломъ; берегись особенно въ то время, когда разнѣженное самолюбіе будетъ кружить твою голову и предательски выдастъ твое сердце. Я себѣ воображаю милое созданіе, которое, по инстинкту коварства, столь общаго всѣмъ женщинамъ, воспламенится твоими мечтами, съ самоотверженіемъ займется твоими разсказами, и будетъ

умѣешь и уныло тебя проводишь, и съ восторгомъ встрѣтишь... Тогда, мой милый, ты — влюбишься! Но это-бы не бѣда, или, по крайней мѣрѣ, бѣда неизбѣжная; но великое искуство состоитъ въ томъ, чтобы отгадать: изъ такой-то дѣвушки, какая будетъ женщина?...

... Лѣстецъ! За что ты хочешь погубить меня, увѣряя въ счастливомъ предназначеніи и завидномъ вниманіи Провидѣнія, которое, по словамъ твоимъ, привѣтливо и попутно влечетъ меня по волнамъ моря житейскаго. Зачѣмъ хочешь лишить благоразумной недовѣрчивости къ самому себѣ, къ людямъ, къ дружбѣ, и къ твоей даже дружбѣ, того, который десять лѣтъ испытывая въ душѣ своей всѣ чувства пороковъ и добродѣтелей человѣчества, старается уравнодушить себя къ людямъ и къ міру, при настоящемъ безсиліи своемъ сдѣлать что нибудь! Нѣтъ, ты въ половину знаешь меня, когда думаешь, что хвалы, даже пріязненныя, оставятъ во мнѣ черту подобную черпѣ грифеля на аспидѣ; ты во все не знаешь меня, если почитаешь необходимостію, чтобы я остановилъ взоръ свой на *комъ нибудь* и на *чемъ нибудь*. Я слишкомъ люблю себя, чтобы любить еще кого нибудь, и много люблю природу, чтобъ ненавидѣть людей и человѣка, когда здоровъ физически. Приписывая мнѣ воспламеняемость, ты

отгадалъ меня, или лучше—во мнѣ ты отгадалъ самого себя. Но эта слабость довременная, въ безпокойныхъ послѣдствіяхъ своихъ миновалась для меня на 21-мъ году жизни, и вотъ уже шестой годъ какъ я воспламеняюсь слабѣе, слабѣе, и скоро, кажется, буду праздновать торжество головы надъ сердцемъ, мозга надъ кровью: тогда-то буду счастливъ такъ, какъ ты не будешь во всю жизнь свою.

Совѣтъ твой: *жениться*, принимаю. Какъ искный служитель Природы, вижу, что безъ жены жить не льзя. Но, далѣе отъ меня обольстительныя мечты супружескаго счастія, вы, послѣдки холодѣющаго воображенія; сгиньте отъ меня и вы, отвратительныя картины ада семейнаго, и ты, мудрый Сократъ, увлажаемый изъ рукъ Ксантиппы! Входъ вамъ недоступенъ въ то мѣсто, гдѣ мой диванъ, столъ, кресла и W.... Но, женишься все таки должно: безъ жены нѣтъ основанія дѣятельности; подъ ногами шатко, въ головѣ перемѣнная погода, и сердце со всего срывается, какъ не укрѣпленное колесо съ своей оси.—Кто же будетъ моею женою? Это вопросъ нерѣшимый, пока рука твоя не станетъ зашекать отъ вѣнца надъ ея или моею головою. Я зналъ *женщину*; но въ игрѣ съ судьбою она для меня въ проигрышѣ; знаю другую, но—рѣжь ремень изъ спины моей, если дозволю себѣ помышлять о ней. И такъ, поручимъ себя Про-

видѣнію : если ты ему не вѣришь, то я вѣрю. Когда-бъ ты зналъ все, ты-бъ сдѣлался фаталистомъ. Вѣрю, другъ, предопредѣленію, вѣрю и потому, что не знаю будущаго...

Можно-ли полнѣе открыться, какъ я открываюсь предъ тобою? Люби или ненавидь меня — это твоя воля. Но, колеблясь въ выборѣ того или другаго чувства, остановись на минуту и спроси себя : можно-ли ненавидѣть меня; можно-ли и любить меня?

Если послѣдніе пять мѣсяцевъ сблизили меня съ кѣмъ нибудь и заронили въ чужую душу искру чувства ко мнѣ ; если въ комъ таится и ненависть — счастливое предзнаменованіе при иныхъ обстоятельствахъ—пусть винятъ не меня, каковъ я есмь въ самомъ дѣлѣ, но винятъ праздность разума и дѣятельность моего духа, утомлявшагося подъ часъ неудачами и искавшаго себязабвенія—въ трудѣ, преодолѣть равнодушіе къ себѣ, искусить надеждами, и въ обманѣ ихъ преподать спасительный урокъ оцѣпенѣнія къ непостоянству земному. Достигъ-ли я сего? Не знаю : жалѣю однакожъ, если трудятся волновать себя при воспоминаніи обо мнѣ ; не хочу однако, чтобъ и забывали меня. Я никогда, ничего и никого не забываю.

Избираю тебя умирителемъ всѣхъ со мною. Если замѣтишь любовь ко мнѣ — говори обо мнѣ

какъ о чудовищѣ; если равнодушіе непереноси-
мое — напоминай о моихъ добрыхъ свойствахъ.
Пусть люди не даряшъ насъ ни чистою любо-
вію, ни ненавистію: та и другая тягостны въ
расплатѣ. Да слѣдуютъ они моему примѣру, какъ
примѣру человѣка, который и въ тебѣ сомнѣ-
вается, но не находитъ удовольствія не вѣрить
твоей пріязни.

Нѣсколько замѣчаній на книгу: *Историческое описаніе церквей, въ Россійской Имперіи находящихся*, изд. въ М. 1828 г.

Мерсье сказалъ: «Покупайте книги для того,
«чтобы ихъ читать, перечитывать, марать и
«гнуть сколько вамъ угодно; Горацій, совершенно
«чистый и новый, можетъ принадлежать одному
«только глупцу.»

Этому мудрому правилу постоянно слѣдуетъ
благодѣтель мой, снабжающій меня книгами. Если
поля книги бываютъ тѣсны для прогулокъ его
карандаша, то онъ вставляетъ въ оную бѣлый
листикъ бумаги, и продолжаетъ на немъ разсуж-
дствовать. Въ такомъ *календарномъ* видѣ получилъ
я отъ благодѣтеля моего: *Историческое (!) опи-
саніе Соборныхъ и приходскихъ церквей, въ Россій-
ской Имперіи находящихся, съ показаніемъ времяш-
ки построекъ оныхъ, собранное изъ разныхъ до-
стовѣрныхъ (?) источниковъ и для удобнѣйшаго*

пріисканія (?) *расположенное по алфавиту, тру дами Г. С.* (Москва 1828 г.).

На начальномъ листѣ сей книги, слова: *времян построенія*, подчеркнуты карандашемъ. Пересмо трѣвъ всю книгу, я удостовѣрился, что времен построенія въ самомъ дѣлѣ не показано при описані многихъ церквей. Далѣе написано карандашемъ: « *въ Москвѣ и Санктпетербургѣ развѣ нѣтъ церквей или Москва и Петербургъ находятся не въ Рос сійской Имперіи?* » На этотъ вопросъ пусть отвѣчаетъ самъ Г. Собиратель. Можетъ быть онъ имѣлъ особенныя причины не включать въ сво собраніе описанія церквей, находящихся въ сто лицахъ. По мнѣнію моему, надлежало-бы прибав вить: *въ городахъ*, ибо въ книгѣ сей нѣтъ описа нія сельскихъ и заводскихъ церквей, и едва-ли не пропущены нѣкоторыя изъ городскихъ.

И дѣйствительно. Продолжая далѣе разсматри вать присланную мнѣ книгу, я встрѣтилъ вторже ніе писаннаго листочка, съ слѣдующимъ описані емъ Греко-Россійскихъ церквей, находящихся в въ Оренбургѣ:

«1) Такъ называемая: *Золотой Соборъ*, во им Преображенія Господня, воздвигнута въ 1757 году на счетъ Казны, бывшимъ Губернаторомъ И. И Неплюевымъ.

2) *Зеленый Соборъ*, во имя Введенія во храм Пресвятыя Богородицы, воздвигнута въ 1790 году на казенную сумму.

3) Военная, во имя Св. Апостолъ Петра Павла, построена въ 1795 году, на казенную-ж сумму.

4) Во имя Вознесенія Господня, построена въ 1787 году, на счетъ Казны.

5) Во имя Живоначальныя Троицы, построена въ 1799 году, на счетъ Казны.

Кромѣ сихъ находятся:

а) Въ форштадтѣ: каменная церковь, во имя Великомученика и Побѣдоносца Георгія, построенная въ 1756 году, на счетъ прихожанъ, при попечителѣ Войсковомъ Атаманѣ Васильѣ Могутовѣ.

b) Въ Мѣновомъ дворѣ, церковь во имя Св. Захарія и Елисаветы. »

Въ описаніи-же Г-на Г. С. упомянуто *только о двухъ церквахъ*, изъ конхъ, церковь во имя Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы будто-бы *перестроена въ 1742 году (?)*. Читаю далѣе:

« *Въ Оханскѣ, городѣ Пермской губерніи.*

« Церковь соборная, во имя Пресвятыя Богороди-« цы, построена въ 1747 году, вмѣсто сгорѣвшей. »

Отмѣтка. Не сказано: какая эта церковь, каменная или деревянная? Всякій-ли знаетъ, что въ Оханскѣ не бывало другой церкви, кромѣ деревянной, вмѣсто которой построена каменная о двухъ придѣлахъ? Въ шепломъ уже нѣсколько лѣтъ совершается служеніе, а холодный приводится къ окончанію. Далѣе:

« *Въ Перми, губернскомъ городѣ.*

«Церковь соборная, каѳедральная, во имя Преображенія Господня, съ придѣломъ во имя Св. Спефана, Епископа Великопермскаго, построена (не заложена-ли?) въ 1793 году, весьма (!) великолѣп-

ной (!) Архитектуры (?). Она, по своей внѣшней красотѣ и внутреннему благолѣпію, *можетъ стать на ряду (?) съ первыми Россійскими Соборами* (!!), ибо въ главномъ храмѣ особенное вниманіе заслуживаютъ мѣстные образа лучшаго стариннаго писанія (?), предъ которыми лампады и подсвѣчники все серебряные; въ срединѣ-же особенно отличается (?) своею прекрасною фигурою (?) большое серебряное паникадило. . . .»

Отмѣтка. Описаніе слишкомъ гиперболическое, не дѣлающее чести вкусу Г-на Описателя! Дай Боже, чтобы первые Россійскіе Соборы, для чести Русской Архитектуры, въ глазахъ знатока, были какъ можно менѣе похожи на этотъ Соборъ, едвали могущій стать на ряду даже съ нѣкоторыми церквами Пермской губерніи!»

Такая странная выходка заставила меня перечитать письма А. И. Маршоса, помѣщенныя въ Сѣверной Пчелѣ, въ коихъ онъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ въ Перми строеніяхъ; но объ этомъ Соборѣ Г. Маршосъ не говоритъ ни слова. Если-бы упомянутому описанію дѣйствительно соотвѣтствовалъ описанный предметъ, то, умолчалъ-ли бы о немъ сей умный писатель, на вкусъ и сужденія коего объ Изящныхъ Искусствахъ можно положиться по его родству и знакомству съ отличными художниками и знатоками? Вкусъ, какъ говоритъ одинъ писатель, не есть простое качество, или даръ природы; но слѣдствіе рѣдкаго сліянія въ одномъ человѣкѣ многихъ свойствъ ума и сердца, какъ врожденныхъ, такъ и при-

обрѣтенныхъ. Образованію вкуса (продолжаетъ тотъ-же писатель) много способствуютъ: чтеніе, знаніе обращенія въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ, частое обхожденіе со славными художниками, и путешествія. Истинно хорошій вкусъ всегда основанъ на разсудкѣ. Хотя многіе имѣютъ выгоду утверждать, что первый не зависитъ отъ послѣдняго; но сихъ людей можно назвать анархистами, которые возмущаются противъ безпокоящаго ихъ устава.»

И въ произведеніяхъ Изящныхъ Искуствъ, я думаю, также нуженъ вкусъ, образованный тѣми-же средствами, а посему и сужденія (разумѣю дѣльныя) о сихъ произведеніяхъ должны основываться на такомъ вкусѣ, который, какъ мы видѣли выше, не всякому можетъ достаться въ удѣлъ, и не легко пріобрѣтается; къ тому-же надобно, хотя сколько нибудь, имѣть понятія о сущности и назначеніи Изящныхъ Искуствъ, чтобы *ранжировать* произведенія ихъ по принадлежности.

Какъ-бы то ни было, но, признаться по совѣсти, я повѣрилъ велерѣчивому описанію Пермскаго каѳедральнаго Собора, и, проѣзжая чрезъ Пермь, остановился, чтобы полюбоваться симъ чудеснымъ произведеніемъ сѣвернаго генія, произведеніемъ, коего «великолѣпная архитектура, внѣшняя красота и внутреннее благолѣпіе,» ставятъ его въ рядъ съ первыми Россійскими Соборами, какъ то Казанскимъ въ Санктпетербургѣ, Успенскимъ въ Казани, во имя Александра Невскаго въ Саратовѣ,

Рождества Христова въ Рязани и, безъ сомнѣнія, съ будущимъ Исакіевскимъ въ Санктпетербургѣ!

Но, прежде нежели мы объявимъ свое мнѣніе о семъ Соборѣ, сдѣлаемъ общее заключеніе о построеніи церквей въ Пермской губерніи.

Существующія еще въ нѣкоторыхъ городахъ, селахъ и заводахъ сей губерніи, старыя деревянныя церкви имѣютъ въ основаніи своемъ фигуру параллелограмма, раздѣленнаго на двѣ части, изъ коихъ одна занята шеплою церковью, а другая холодною. Надъ сею частію строенія возвышается фанарь, по большой части восьміугольный; къ одному боку параллелограмма прилежитъ колокольня, а къ другому, противоположному, алтарь, заключающій въ себѣ 6 угловъ, со включеніемъ и тѣхъ двухъ, которыми алтарь присоединяется къ церковной стѣнѣ. Основаніе алтаря приближается отчасти къ фигурѣ полукруга, сколько дозволяетъ рубка стѣнъ въ уголъ.

Хижина, въ которой можно было только укрыться отъ непогодъ, и дворецъ, удовлетворяющій всѣмъ потребностямъ утонченной жизни, великолѣпный, поражающій, суть двѣ крайнія точки той стези, по которой шло искусство зодчихъ къ своему совершенству. Но, путь этотъ, сколь былъ медленъ, сбивчивъ, затруднителенъ! За то внимательный наблюдатель, обозрѣвшій ходъ искусствъ, запасшійся опытами и открытіями, и наученный даже неудачами чужими, идетъ шагомъ болѣе скорымъ, по дорогѣ торной, и прямѣе ве-

дущей къ совершенству. И такъ, сколь трудно и почти невозможно человѣку безъ пособія другихъ, предшествовавшихъ ему на сей стезѣ, самому по себѣ сблизишь, въ продолженіе своего поприща, двѣ крайнія точки *начала* и *совершенства*, или, говоря понятнѣе, не учась и не наблюдая — научишься! Въ этомъ могутъ насъ увѣрить каменныя церкви Пермской губерніи, выстроенныя въ послѣднія 35 лѣтъ. Исключая тѣ немногія, кои возведены по проэктамъ, полученнымъ изъ столицъ, разсмотрите которыя угодно, и вы удостовѣритесь, что онѣ построены по образцу деревянныхъ. То-же расположеніе, та-же форма и тотъ-же почти вкусъ. Даже самые куполы и алтари, которые изъ кирпича весьма возможно было-бы построить первые круглыми, а послѣдніе полукруглыми, дѣлаются, по подобію деревянныхъ, четвероугольными, съ усѣченными углами; посему и своды надъ куполами, имѣя подобную фигуру основанія, оканчиваются вверху почти остроконечно.

И такъ, каменныя церкви, выстроенныя въ подражаніе деревяннымъ, выше мною описаннымъ, заслуживаютъ-ли названія *произведеній изящныхъ*? Нѣтъ, ибо въ нихъ не видно проявленія мыслящей силы, стремящейся отдѣлиться отъ мастерства механическаго; въ нихъ не видно характера, долженствующаго поражать зрителя величіемъ и важностію, и возбуждать въ немъ чувствованія набожности и благоговѣнія! При взглядѣ на сіи плотнично-подражательныя произведенія Архитектуры, глаза мои не прельщаются изящными фор-

мами; я остаюсь равнодушнымъ, или, лучше сказать, недовольнымъ. Не таково бываетъ дѣйствіе произведеній изящныхъ!...

Находясь на сей степени, можетъ-ли зодчество имѣть какой-либо вкусъ или стиль? Пусть антикваріи и знатоки Искуствъ разрѣшатъ, къ которому изъ слѣдующихъ родовъ причислить архитектуру Пермскихъ церквей: къ Индійскому-ли, Китайскому, Египетскому, Греческому, Римскому, Персидскому, Византійскому, Готическому, Мавританскому, Итальянскому, или другимъ? Съ своей стороны, я въ состояніи удостовѣрить, что она не принадлежитъ ни къ Греческой, ни къ Римской, ни къ Итальянской архитектурамъ, а судя по тягости всѣхъ частей, и безмѣрной толщинѣ церковныхъ стѣнъ, догадываюсь, что она подходитъ къ роду какой нибудь Старо-Саксонской архитектуры, что и имѣю честь представить на благоразсмотрѣніе Г-на Панегириста Пермскаго каѳедральнаго Собора.

Еще нѣсколько словъ о *лучшей старинной живописи образовъ.* Вотъ одинъ изъ тѣхъ неопредѣленныхъ эпитетовъ, къ настоящему смыслу коего ни съ которой стороны нѣтъ доступа. Какая эта *старинная живопись*? Греческая-ли, или современная намъ Суздальская?... Но меня увѣряли, что на сихъ образахъ есть подпись: *Васильевскій.* Легко можетъ быть, что они писаны тѣмъ Васильевскимъ, который, вмѣстѣ съ Меркуловымъ, былъ посланъ Петромъ Великимъ въ чужіе краи учить-

ся Живописи. Въ самомъ дѣлѣ образа написаны хорошо, во вкусѣ Итальянской школы (*).

Мраморный иконостасъ, о коемъ также упоминается въ описаніи, дѣланъ былъ въ одномъ изъ Екатеринбургскихъ заводовъ, не для сей церкви, и, вѣроятно, по рисункамъ не въ Перми составленнымъ, что доказываютъ довольно правильныя части иконостаса. Жаль, что не малая часть сего иконостаса закрывается каменными столбищами, устроенными для поддержанія сводовъ, на мѣсто повредившагося отъ гнилости деревяннаго потолка. Сіе случилось, какъ разсказываютъ, въ скоромъ времени послѣ построенія церкви, отъ парапета, препятствовавшаго стоку воды съ крыши, и какъ послѣ многихъ, часто-временныхъ починокъ не могли ухитриться доставить водѣ удоб-

---

(*) Разсказывали мнѣ также, что образа сіи, и весь вызолоченный иконостасъ Готическаго вкуса, церковныя утвари и прочія драгоцѣнности, перенесены въ Пермскій Соборъ изъ Пыскорскаго монастыря, основаннаго, во времена Императрицы Елисаветы, Архимандритомъ Іустомъ, и въ послѣдствіи пришедшаго въ упадокъ. Монастырю сему принадлежалъ Дедюхинскій соловаренный, что нынѣ казенный заводъ. Отъ онаго до Пыскора считается 7 верстъ. Монастырь былъ построенъ на горѣ, на правомъ берегу Камы, въ мѣстѣ прекрасномъ и живописномъ. Нынѣ о существованіи его можно догадываться только по обломкамъ кирпича, безмолвно говорящимъ о тлѣнности дѣла рукъ человѣческихъ!

наго стока, то и заблагоразсудили парапетъ подвергнуть дѣйствію разрушительнаго молотка.

Вотъ тѣ немногія замѣчанія, которыми я обязанъ похвальной привычкѣ моего благодѣтеля, а отчасти случаю, учредившему мое путешествіе. Можетъ быть, любители Статистики и Исторіи церквей благоволятъ оцѣнить надлежащимъ образомъ слегка разсмотрѣнную мною книгу, и мнѣніе свое не скроютъ отъ насъ; чему весьма обрадуется благодѣтель мой, какъ человѣкъ, подавшій къ тому нѣкоторый поводъ; чему обрадуюсь и я, какъ усерднѣйшій читатель его комментаріевъ.

А. С.

— Вильгельмъ Тель, трагедія Шиллера. Переводъ А. Ротчева. М. 1829, въ т. А. Семена. 185 стр., in 8.

Борьба Классиковъ съ Романтиками, есть въ настоящее время занимательное происшествіе въ литтературномъ свѣтѣ. Между тѣмъ какъ первые, засѣвши въ прочную крѣпость, сооруженную изъ твореній Древнихъ и ихъ послѣдователей, не желаютъ уступить своего владычества надъ міромъ пишущихъ и мыслящихъ, и Классическими буллами поражаютъ мятежниковъ, не повинующихся кодексу обветшалыхъ пінтикъ—Романтики, новыми произведеніями привлекаютъ на свою сторону большинство голосовъ читающей публики, и побѣда ихъ несомнѣнна. Въ продолженіе сей войны, лиш-

многія весьма любопытныя извѣстія о Царскомъ Селѣ.

Почтенный Г-нъ Яковкинъ четыре года занимался составленіемъ нынѣ издаваемой имъ книги. *Первая* часть оной заключаетъ въ себѣ періодъ времени отъ 1708-го до 1742-го года; *вторая* продолжается до 1762-го, а *третья* будетъ содержать въ себѣ послѣднюю, блистательнѣйшую эпоху Царскаго Села. Донынѣ вышли въ свѣтъ первыя двѣ части; послѣдняя въ непродолжительномъ времени явится, и составитъ болѣе 30-ти печатныхъ листовъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Сочинитель издастъ особо описаніе Царскаго Села, при которомъ приложатся рисунки всѣхъ замѣчательнѣйшихъ предметовъ онаго, и планъ сада, со всѣми его роскошными украшеніями. Рисунки и планъ будутъ приложены и при 3-й части Исторіи.

Узнавъ объ источникахъ матеріяловъ и имени Автора, не льзя сомнѣваться въ достоинствѣ книги. Двѣ первыя части, кромѣ общей занимательности, заключаютъ много любопытнаго объ обстоятельствахъ, предварившихъ насъ 80-ю годами. Прочитавъ Исторію Г-на Яковкина мы узнаемъ, что помѣщица Сара, отъ имени которой иные выводятъ названіе Царскаго Села, никогда не существовала; что по господствовавшей при Государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ модѣ украшать сады гротами, а гроты раковинами, одинъ графъ Шуваловъ прислалъ въ Царское Село 128,560 раковинъ; что окрестныя мѣста Царско-Сельскія населены коренными Русскими, и какими-же? Москвичами, Коломничами, Рязанцами, Суздальцами,

Костромичанами и Владимирцами; что зернь (игр
въ четырехъ-сторонніе кости) до того усилива
лась нѣкогда между Русскимъ народомъ, что ону
запрещали особымъ указомъ. Кромѣ того: описані
освященія первой въ Царскомъ Селѣ церкви и по
слѣдовавшихъ за тѣмъ празднествъ; извѣстіе
множествѣ живыхъ лосей и оленей въ окрестно
стяхъ Царскаго Села; о Царственныхъ забавахъ те
теревиною охотой, неоднократныхъ покушеніях
Императрицы Елисаветы Петровны къ устроенію
водянаго сообщенія между Петербургомъ и Цар
скимъ Селомъ, и прочее, могутъ служить предмета
ми, не только для занимательныхъ, но для и полез
ныхъ соображеній любителя старины и Историка
Такъ на примѣръ, наблюдатель, посѣщавшій Кавказ
и сожалѣющій о малонаселенности Кавказской сто
роны, прочитавъ книгу Г-на Яковкина, увидитъ
что приглашеніе вельможъ къ участію во владѣніи
землями, съ обязательствомъ заселять оныя, было
одною изъ основныхъ мѣръ Петра I-го къ обселе
нію Петербурга; что Царское Село съ окрестны
ми деревнями было, даже при Елисаветѣ Петров
нѣ, запаснымъ имѣніемъ Дворцоваго домашняго хо
зяйства, и проч. — Мы иногда ропщемъ на запре
щеніе ѣздить до времени по вновь устроеннымъ
около Москвы дорогамъ... Въ старину не то ещ
дѣлалось: въ 1724 году, право: ѣздить по устро
енному Пулковскому проспекту, покупалось, дл
воза, за 10 денегъ, а для конпаго за 6 денегъ. С
другой стороны, тоже обстоятельство дает
поводъ думать, что если за 100 лѣтъ крестьян
облагались податью за проѣздъ, то, ужели нын

городскіе жители Москвы стали-бы роптать, если-бы отдана была на окупъ выстройка Каменнаго моста чрезъ нашу рѣку Москву, вмѣсто деревяннаго, ежегодно строимаго?

Касательно изложенія книги Г-на Яковкина, скажемъ, что оное, кромѣ несомнѣнной вѣрности, вполнѣ соотвѣтствуетъ источникамъ своимъ (*).

—*Обозрѣніе публичнаго преподаванія наукъ* въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, съ 17-го дня Августа 1829-го по 28-е Іюня 1830-го года. Издано по распоряженію Университетскаго Начальства. *Conspectus prælectionum* in Universitate literarum Cæsarea Mosquensi ab Augusti XVII, A. MDCCCXXIX, *etc.* М. 1829 г. въ т. Унив. in 4, 36 стр.

Полагая, что обозрѣніе курсовъ, въ учебныхъ завеленіяхъ преподаваемыхъ, принадлежитъ къ Исторіи современнаго просвѣщенія, мы всегда представляли читателямъ Телеграфа такія обозрѣнія, какъ матеріялы для будущихъ Историковъ. Прошлогодній курсъ Московскаго Университета былъ означенъ нами (Тел. т. XXII, стр. 447 и слѣд.). Мы не почитаемъ нужнымъ исчислять лекцій курса Университетскаго на нынѣшній годъ, ибо то было-бы повтореніе прошлогодняго списка.

(*) *Исторія Царскаго Села*, съ планомъ и фасадами знатнѣйшихъ зданій, продается въ СПбургѣ, во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, въ Москвѣ, у Г-на Глазунова, и въ Казани у самого Автора, по 30 рублей за экземпляръ, на лучшей бѣлой бумагѣ.

Тѣ-же предметы, тѣ-же руководства остались и нынѣ. Сдѣланы небольшія только перемѣны, и онѣ не важны. Такъ, на примѣръ, вмѣсто *Богословія догматическаго*, преподается нынѣ *Богословіе нравственное*; вмѣсто *Права политическаго* преподается, вмѣстѣ съ *Дипломатіею*, *Право народное* (по Ахенвалю); въ Словесномъ Отдѣленіи вмѣсто *Риторики и критики Словесности*, преподается *Піитика и критика Словесности*; въ лекціяхъ *Греческаго языка* продолжаетъ Профессоръ по прежнему изъяснять *Достопамятности Ксенофонта* и Софокловыхъ *Трахинянокъ*; но, вмѣсто *Одиссеи*, изъясняется имъ *первая Димосѳенова Рѣчь противъ Филиппа*; лекціи *Теоріи Изящныхъ Искуствъ* положено читать только по *Сульцеру* (*Эбергардъ* исключенъ), а *Археологію* только по *Эшенбургу* (*Винкельманъ* исключенъ); также уничтожена лекція *Славянскаго языка*, и проч.—

Библіотека Университетская открыта, для желающихъ пользоваться оною, ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 10 по полуночи до 2 часовъ по полудни. *Кабинетъ Натуральной Исторіи* открывается по утрамъ каждый четвертокъ. Когда другіе ученые Кабинеты бываютъ открыты для публики, не означено; *Совѣтъ Университетскій* имѣетъ собраніе по средамъ; *Правленіе Университета* по понедѣльникамъ и четвергамъ; *Училищный Комитетъ* по вторникамъ и пятницамъ; *Цензурный Комитетъ* ежедневно по утрамъ. — Положено на сей годъ имѣть ежемѣсячно ученыя засѣданія во всѣхъ четырехъ, принадлежащихъ къ Университету, Обществахъ: *Испытателей Природы*

Физико-Медицинскомъ, Исторіи и Древностей Россійскихъ, Любителей Россійской Словесности.

— *Опытъ Естественной Исторіи всѣхъ животныхъ Россійской Имперіи*, изданный И. М. У. Профессоромъ Ботаники, Статскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Иваномъ Двигубскимъ. Часть I (*Животныя млекопитающія*). М. 1829 г. въ 8. Университ. in 8, IV и 80 стр., съ изображеніями животныхъ.

При всемъ богатствѣ въ обширной Россіи произведеній природы, и при множествѣ сдѣланныхъ уже частныхъ описаній, до сихъ поръ нѣтъ еще ни одного окончаннаго изданія, гдѣ-бъ описаны были вмѣстѣ всѣ извѣстныя животныя, или растенія, или минералы Русскіе. Кто имѣетъ средство собрать и пріобрѣсть всѣ Журналы и книги, въ коихъ разсѣяны свѣдѣнія, всѣ брошюрки, издаваемыя людьми, къ рукамъ коихъ стекаются произведенія нашего отечества? Всего менѣе возможно это живущимъ въ отдаленности отъ столицъ и отъ привиллегированныхъ естествоиспытателей, нѣмъ именно людямъ, которые имѣя у себя описанія, могли-бы повѣрять ихъ и открывать новыя произведенія, остающіяся нынѣ въ большей или меньшей неизвѣстности, когда наука довольствуется только нѣкоторыми Кабинетами и библіотеками.

Если-жъ и предпринимаются у насъ изданія полныя, то не въ такомъ видѣ и, можетъ быть, не съ такою цѣлью, чтобы могли они быть истинно полезными для Россіи. Изданія сій обыкновенно пе-

чатаются слишкомъ великолѣпно и потому быва
ютъ очень дороги; при томъ начинаются они
слишкомъ обширно и подробно, такъ, что боль-
шею частію ограничиваются только первыми то-
мами и остаются неконченными. Изданія такія
по всей справедливости, можно отнесть болѣе к
славолюбію авторскому, или, если угодно, къ блеску
науки; польза ея играетъ роль второстепенную
Изданіе не кончено, не полно; но оно начато
оно есть, и имя автора вносится въ лѣтопись
науки, и занимающемуся наукою совѣстію сказать
что онъ не имѣетъ блестящаго сокровища учено-
сти; при томъ не рѣдко не льзя бываетъ
обойдтись безъ него. Справедливо, что не льзя
указывать автору: пиши то, а не другое; спра-
ведливо, что и обширныя начала и великолѣпныя
изданія не излишни; но, кажется, не ложно, что
сначала полезнѣе было-бы замышлять о необходи-
мости, а потомъ уже объ изобиліи, полнотѣ, рос-
коши. Да не подумаютъ однако-жь, чтобы про-
тивное сему только въ Россіи дѣлалось: въ дру-
гихъ странахъ тоже самое. Но, въ Россіи тѣмъ
замѣтнѣе сей иностранный манеръ, что въ ней
вообще мало изданій по части Естествознанія, и
нѣтъ еще самыхъ необходимыхъ руководствъ.
Тѣмъ, кто начинаетъ обширныя и великолѣпныя
изданія, мы всегда поставляли-бы въ примѣръ Де-
кандоля, который остановилъ на 3-мъ томѣ изда-
ніе полной своей системы (Regni vegetabilis systema
naturale), увидѣвъ, что принесетъ гораздо болѣе
пользы, если удовлетворитъ сначала необходимо-
сти предварительнымъ изданіемъ краткихъ опи-

сапій извѣстныхъ ему растеній: онъ началъ издавать *Prodromus* — необходимѣйшее для ботаниковъ сочиненіе, въ трехъ изданныхъ томахъ коего содержится столько растеній, что въ полной системѣ они заняли-бы конечно болѣе 20-ти томовъ, и, слѣдовательно, мы еще не знали-бы того, что уже знаемъ изъ *Продрома*. Впрочемъ, вольному воля. Всякъ можетъ думать о важности своихъ трудовъ въ общемъ кругѣ наукъ; но Рускій поставишь себѣ сначала на видъ пользу Россіи.

Пусть наши иностранцы, обыкновенно болѣе насъ имѣющіе средствъ пріобрѣтать произведенія Русскія, знакомятъ съ ними Европу; но *распространить знанія въ Россіи надлежащимъ образомъ могутъ только Рускіе*: это, съ нѣкотораго времени, сдѣлалось истиною положительною и непреложною. Къ этому во первыхъ и должны стремиться тѣ, кои сознаютъ въ себѣ стремленіе и способность къ наукѣ; если что могутъ они сдѣлать для науки, то это сдѣлается само собою, при семъ-же случаѣ.

Да простятъ намъ читатели сіе невольное разсужденіе. Обращаемся къ книгѣ Г-на Двигубскаго.

Мы почитаемъ истинно полезнымъ для Зоологіи въ Россіи его предпріятіе, давно занимавшее его, какъ видно изъ прежнихъ начинаній (*). Онъ рѣшил-

(*) Primitiæ Faunæ Mosquensis, 1802 г. — Prodromus Faunæ Rossicæ, 1804 г. — Краткое описаніе всѣхъ животныхъ, четвероногихъ и китовъ, которые водятся въ предѣлахъ Россійскаго государства, 1816 г. — Изображенія и описанія животныхъ Росс. Имп. 1818 г. 12 книж.

ся издать описаніе находящихся въ Россіи живот
ныхъ всѣхъ классовъ, въ 8-ми книгахъ. Изданная 1-
книга содержитъ въ себѣ систематическое описа
ніе животныхъ млекопитающихъ, или звѣрей, коихъ
по сему послѣднему исчисленію Г-на Двигубскаго
въ Россіи водится 166-ть породъ. Сдѣланныя на Рус
скомъ языкѣ описанія существенныхъ признаковъ
животныхъ, ясны и вразумительны; при каждомъ
сверхъ сего, означено его мѣстопребываніе и, есл
есть, замѣчательность, польза его, и названія про
винціяльныя. Для большаго объясненія прилагаютс
рисунки, представляющіе по одной породѣ изъ каж
даго рода: при первой книгѣ находится ихъ 42
гравировка и раскраска хороши; при цѣломъ изда
ніи будетъ около 1000 изображеній животныхъ, н
300 таблицахъ. Изданіе кончится въ 4 года, по
книжки въ годъ. Пожелаемъ Автору и прочія ча
сти выдать съ такою-же полнотою, и съ такимъ
же достоинствомъ, какъ *первую* сію часть: труд
его тогда будетъ подлинною заслугою на попри
щѣ Естествознанія въ нашемъ отечествѣ, и на
добно будетъ только ожидать болѣе людей
средствъ къ *дальнѣйшему* усовершенствованію
распространенію Фауны Русской.

Отдавая полную справедливость труду Г-н
Двигубскаго, предлагаемъ на усмотрѣніе его сл
дующія наши замѣчанія:

1-е.) Хотя діагнозы Русскія въ его книгѣ совер
шенно вразумительны, но не мѣшало-бы прилагат
краткія діагнозы и Латинскія, какія находятс
при издаваемыхъ имъ Описаніяхъ и изображеніях

растеній; чрезъ сіе приучались-бы Рускіе къ Латинскимъ терминамъ, и не знающіе хорошо Русскаго языка, воспользовались-бы изданіемъ.

2-е.) При концѣ изданія хорошо-бы приложить описаніе окаменѣлостей животныхъ, коими такъ богата Россія.

3-е.) Не мѣшало-бы выставлять по мѣстамъ цитаты. У нѣкоторыхъ естествоиспытателей сдѣлались онѣ главнымъ дѣломъ и составляютъ большую часть ихъ сочиненій, весьма неумѣстно и не кстати, но должно однакожъ согласиться, что иногда цитаты бываютъ необходимы.

М. М—чъ.

. — *Генрихъ III-й и его Дворъ.* Новая историческая драма въ 5 дѣйствіяхъ. Сочиненіе Александра Дюмаса. Переводъ съ Французскаго Н. П. Мундта. СПб. 1829 г, въ т. Плюшара, in 8, 128 стр.

Безъ знанія обстоятельствъ современныхъ, это литературное явленіе покажется непонятнымъ.

Драма Дюмаса явилась на Парижской сценѣ въ нынѣшнемъ году (въ первый разъ на Французскомъ Театрѣ (Théâtre français) 11-го Февраля н. с.) и — осыпана была рукоплесканіями. Спѣшили напечатать это громкое твореніе, но—чудо! Публика приняла его въ чтеніи холодно, дивилась, и сама не понимала, что ей нравилось на сценѣ; критики, самые безпристрастные, отозвались о ней невыгодно, и драма Дюмаса быстро упала въ общемъ мнѣніи. Паденіе это было совершенно справедливо. Мало можно найдти произведеній драматическихъ (не говоримъ о мелодрамахъ и водеви-

лях) пустѣе и ничтожнѣе драмы Г-на Дюмаса. Но отъ чего-же произошелъ ея успѣхъ? Смѣло отвѣчаемъ: отъ обстоятельствъ.

Никогда мнѣнія литературныя не были въ такомъ сильномъ волненіи, какое теперь видно во Франціи. Уже издавна проникали въ литературу Французскую ереси анти-классическія; уже давно публика потихоньку зѣвала, не только отъ второстепенныхъ Шенье, Дюсисовъ, Арно, Жуи, Бонжуровъ, но даже и отъ прелестныхъ стиховъ Корнеля, Расина, Вольтера. Выглаженная канва, по которой, хуже или лучше, хорошими или плохими стихами, вышивали извѣстные классическіе узоры: людей на ходуляхъ, наперсниковъ бездушныхъ, тирановъ говорливыхъ, героинь влюбленныхъ, вѣстниковъ вѣчно разсказывающихъ, обдѣлывая все это въ рамку трехъ единствъ, давно надоѣла всѣмъ. Публика и юные умы были давно уже въ заговорѣ. Но Аристархи присяжные, но Академики, но старые парики партерныхъ обитателей ничего не замѣчали; отъ времени до времени жгли они на кострѣ Буаловой Пиитики покушенія дерзкихъ нововводителей, презирали другихъ соперниковъ, и не видѣли, что отвсюду уже везли къ нимъ контрабанду. Клеймо у такой контрабанды было Классическое, а матерія, узоръ, и все было сотканно на Романтическомъ станкѣ и Романтической основѣ. Наконецъ, опомнились Классики, при шумномъ, быстромъ и внезапномъ нападеніи. Что-жъ? Шекспиръ, Шиллеръ, Гёте уже старожилы во Франціи; нынѣшній оракулъ Французовъ, Вильменъ отрекается отъ Клас-

ицизма и удивляется Шекспиру; Делавини, Ламар-
пини и другіе главнѣйшіе ратоборцы стоятъ въ
рядахъ противной стороны; публика увлечена но-
востью; театръ пустъ, когда даютъ Альзиру и
Андромаху; полонъ, когда даютъ хоть вздорную,
но *не-Классическую* пьесу. Тушъ всего-бы лучше
идти на договоръ. Но, несчастіе абсолютнаго дик-
паторства состоитъ въ томъ, что оно никогда не
покупаетъ общаго блага уступками и соглашеніемъ
взаимнымъ; напротивъ, оно ничего не уступаетъ до
послѣдней гибели своей, и сражается упорно за
всякую свою бездѣлку. Это раздражаетъ бойцовъ
съ обѣихъ сторонъ, и обыкновенно та сторона,
для которой прошло время, теряетъ все, совер-
шенно, и — навсегда. Такъ случилось и съ Класси-
цизмомъ. Не размѣряя силъ; не замѣчая, что все
измѣнилось во Франціи: правленіе, просвѣщеніе,
науки, знанія, вкусъ, философія; что насталъ во
всемъ вѣкъ новыхъ идей, Классики рѣшились упорно
сражаться. Началась война, отчаянная, смертель-
ная. Критики, сужденія, сатиры, примѣры, книги,
брошюрки, каррикатуры, даже—формальная прось-
ба Королю, мольба: запретить Романтизмъ, все
было ими употреблено; соперники ихъ не дремали;
публика рѣшила бой: она пристала къ Романти-
камъ, и—теперь побѣда его уже явная и полная. Блес-
тящіе Романтическіе опыты, строгій философ-
скій критицизмъ, познаніе великихъ твореній
англійскихъ, Германскихъ, Испанскихъ, все это
завербовало Францію подъ знамена Романтизма.

Но между тѣмъ, какъ Вите, съ тремя истори-
ческими драмами; Авторъ *Нѣмецкихъ вечеровъ;* Ав-

торъ *Театра Клары Газюль*, изумляютъ своими предпріятіями современниковъ (*), во Франціи сбылось и все то, что обыкновенно бываетъ при сильныхъ переворотахъ. Многіе изъ сражающихся съ обѣихъ сторонъ все еще худо понимаютъ собственныя свои требованія, превратно смотрятъ на соперниковъ, слишкомъ исключительно предписываютъ условія, а между тѣмъ мелкіе умы дѣйствуютъ, пользующіся обстоятельствами. «*Я Романтикъ!*» кричитъ какой нибудь посредственный талантъ, и—его хвалятъ. «*Я Классикъ!*» вопіетъ другой, и его безъ суда освистываютъ. Такъ бываетъ всегда, вездѣ и во всемъ. Но, утѣшимся, что все это вскорѣ прекращается; все входитъ со временемъ въ свои

(*) Мы упоминаемъ здѣсь о трехъ, замѣчательнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ явленіяхъ нынѣшней Французской Словесности, именно: сочиненіяхъ Л. Вите (*Les Barricades*, Scènes historiques. Пар. 1827 г. — *Les Etats de Blois* ou la Mort de M. de Guise. Пар. 1828 г.—*La Mort de Henri III.* П. 1829 г.; собраніи драматическихъ сочиненій, подъ названіемъ: *Нёильскіе вечера*, (Soirées de Neuilly, esquisses dramatiques et historiques, П. 1827 г., 2 тома), авторъ коихъ скрылъ себя подъ выдуманнымъ именемъ: Fongeray, и собраніи драматическихъ сочиненій, изданныхъ Проспероиъ Мериме (Mérimée), подъ именемъ *Театра Клары Газюль* (Théâtre de Clara Gazul, Парижъ, 1828 г., 2 т.). Зачѣмъ ни одно изъ сихъ превосходныхъ сочиненій не переведено донынѣ на Русскій языкъ? — Одна только пьеска изъ *Нёильскихъ вечеровъ* была переведена въ Телеграфѣ.

границы, указуемыя истиною, неколебимою среди волненія страстей, и что посредственность, если и выигрываетъ, то не надолго, падая также быстро, какъ поднялась быстро.

Это случилось и съ драмою Дюмаса. Она *Романтическая*, и дѣло было кончено. Но она произведеніе посредственное, усиліе небольшаго таланта, и вотъ успѣхъ ея былъ скоро-преходящій, мгновенный.

Сказавъ выше сего, что многіе во Франціи все еще худо понимаютъ Романтизмъ, скажемъ, что эти многіе полагаютъ всю сущность его въ нарушеніи единства мѣста, времени и дѣйствія, во введеніи на сцену ужасающихъ зрителя явленій, толпы второстепенныхъ, третьестепенныхъ лицъ, и, кажется, болѣе ничего не замѣчаютъ въ Шекспировыхъ и Гётевыхъ твореніяхъ. Не смотря на побѣду Романтизма вообще, еще не явился для Французовъ геніяльный человѣкъ, который создалъ-бы имъ новую народную Романтическую драму, такъ, какъ умѣли ее создать, каждый для своего вѣка и народа, Шекспиръ въ Англіи, Лопецъ де Вега и Кальдеронъ въ Испаніи, Гёте и Шиллеръ въ Германіи. Но, мы указали выше сего на историческія драмы Виле, Нёйльскіе вечера, и проч.—Безспорно, это творенія великія; но они еще не есть *драма-собственно*. Виле удивительнымъ, искуснымъ образомъ умѣлъ изобразить въ драматической формѣ исторію Лиги, смерть Герцога Гиза и смерть Генриха III-го; въ *Нёйльскихъ вечерахъ* сдѣланы опыты разсказа современныхъ событій въ формѣ драма-

шической; въ *Театрѣ Комры Газюль* тоже. Но, все это не годится для сцены театральной, и не для нея писано. Опыты Делавиня были неудачны: его *Принцесса Авреліа* и *Марино Фаліеро* вялы и слабы; *Кромвель*, В. Гюго, надутъ и неудаченъ.

Дюмасъ, кажется, хотѣлъ исполнить то, чего Делавинь и Гюго не умѣли сдѣлать. *Генрихъ III-й и его Дворъ* есть *Романтическая драма*, писанная для сцены театральной.

Начнемъ съ того, что вдохновеніе Дюмаса было чужое. Историческія драмы Вите были основою, изъ коей почерпнулъ онъ содержаніе, лица, характеры своей драмы. Все это сжато въ тѣсной рамкѣ; жизнь исчезла; остались мертвые скелки. Вите умѣлъ помирить сухость исторической вѣрности съ идеальными цвѣтами поэзіи: это Исторія въ живыхъ поэтическихъ образахъ; это воскресшее для насъ прошедшее. Дюмасъ перековеркалъ всѣ событія. Но въ семъ отношеніи пусть судятъ Французы; мы судимъ о томъ только, что видимъ, и не справляемся съ Исторіею, не ищемъ исторической истины въ драмѣ. Вотъ содержаніе оной:

Дѣйствіе I. Ученый кабинетъ Ругджіери. Это астрологъ Королевскій, сообщникъ и Катерины Медицисъ, матери Генриха III-го, и врага ея, Герцога Гиза, начальника Лигистовъ, или религіозныхъ фанатиковъ, коихъ употребляетъ Гизъ для достиженія своей цѣли. Является Катерина Медицисъ. Она открываетъ астрологу свои умыслы, коими хочетъ удержать власть надъ слабымъ сыномъ. Сенъ-Ме-

ренъ, юноша, овладѣвшій умомъ Генриха III-го, и
изъ, сильный и предпріимчивый вельможа, глав-
ыя препятствія. Надобно занять ихъ, отвлечь
шъ дѣлъ. С. Мегренъ врагъ Гиза, и влюбленъ въ
кену его, которая сама любитъ С. Мегрена, но
аитъ страсть свою. Катерина Медицисъ хочетъ
ать полный ходъ страсти любовниковъ, занять
Сенъ-Мегрена этою любовью, а Гиза ревностью.
Для сего, по приказанію Катерины, юную Герцо-
гиню перенесли уже въ тайную комнату подлѣ
Ругджіерова кабинета, и Ругджіери, къ которому
Сенъ-Мегренъ хотѣлъ явиться скрытно для узна-
нія судьбы своей, долженъ показать ему Герцоги-
ню.—Что можетъ быть слабѣе всей этой завязки?
Ругджіери исполняетъ предписанное. Наговоривъ
ромкихъ словъ, онъ показываетъ С. Мегрену Герцогиню. Любовники остаются одни; пробужденная Герцогиня высказываетъ любовь свою; но, она опамятовалась, она отрекается отъ словъ своихъ. Глухъ стукъ у дверей: это неожиданный гость—самъ Гизъ; любовники убѣгаютъ; собираются Лигисты: самая холодная сцена. Герцогиня забыла платокъ свой въ комнатѣ астролога; Гизъ находитъ его, и подозрѣнія ревности овладѣли имъ.

Дѣйствіе II. Сцена во дворцѣ. Являются придворные, и начинается болтовня, ни къ чему не ведущая. Потомъ Гизъ предлагаетъ Королю планъ Лиги, ссорится съ С. Мегреномъ, и между ими положенъ смертельный поединокъ. Катерина Медицисъ, оставшись съ Королемъ, возбуждаетъ его противъ Лиги и Гиза.

Дѣйствіе III. Комната Герцогини Гизъ. — Мы должны слушать болтовню пажа и окружающихъ Герцогиню женщинъ.—Приходитъ Гизъ, высылаетъ всѣхъ, и велитъ Герцогинѣ написать приглашеніе на любовное свиданіе. Она не соглашается, хочетъ знать, къ кому она пишетъ. Слѣдуетъ сцена, которой нелѣпѣе не сыщемъ и въ мелодрамахъ Пиксерекура. Герцогъ угрожаетъ ядомъ; Герцогиня готова на смерть. Гизъ бѣсится, схватываетъ жену свою за руку, и жметъ руку ея изъ всѣхъ силъ. Руки Гиза въ желѣзныхъ перчаткахъ, и это жатіе руки причиняетъ Герцогинѣ ужасную боль. «Пиши!» кричитъ Гизъ.

Герцогиня. Ахъ! оставьте меня!

Онъ. Пиши!

Она. Мнѣ больно, Генрихъ!

Онъ. Пиши, говорю я!

Она. Мнѣ ужасно больно, Генрихъ, нестерпимо больно! Пощади, пощади! ахъ!

Онъ. Пиши-же!

Она. Могу-ли я? Свѣтъ меркнетъ въ глазахъ... холодный потъ... Боже, Боже мой! благодарю тебя... я умираю!

Онъ. О! нѣтъ! ты не умрешь!

Она. Чего ты отъ меня требуешь?

Онъ. Повинуйся.

И бѣдная Герцогиня, не вытерпѣвъ боли, повинуется. Пока Гизъ складываетъ письмо, она отгибаетъ рукавъ платья; на рукѣ ея видно синее пятно отъ давленья. Que dirait la noblesse de France (говоритъ она), si elle savait que le Duc de Guise a meurtri

n bras de femme avec un gantelet de chevalier? — Мы отовы повторить Автору подобную фразу: «Что казать о драмѣ, въ которой развязка основана на акой сценѣ?» Письмо послано къ С. Мегрену.

Дѣйствіе IV. Дворецъ. С. Мегрену отдаютъ исьмо; открывается засѣданіе Королевскаго Со-ѣта, въ которомъ Король объявляетъ себя на-альникомъ Лигистовъ. Гизъ въ бѣшенствѣ.—Къ че-у все это дѣйствіе драмы?

Дѣйствіе V. Сенъ Мегренъ является на свида-ніе, ибо никто не могъ предупредить его объ опасности. Двери за нимъ заперты; Гизъ ломится въ двери; Сенъ-Мегренъ выскакиваетъ въ окно; Гизъ вламывается въ дверь; за сценою шумъ и стукъ оружія; подставленные злодѣи убиваютъ Сенъ-Мегрена. Злобная радость Гиза.

Спрашиваемъ безпристрастныхъ: что̀ это такое? Къ чему тутъ Король, Катерина Медицисъ, Рюгджіери, сцены Совѣта, заговорщиковъ, вставки разговоровъ совсѣмъ постороннихъ? Ведутъ-ли онѣ къ одной цѣли; показываютъ-ли намъ картину народа, Двора, бурю страстей, столкновеніе мнѣній, вѣкъ, наконецъ характеры дѣйствующихъ лицъ: этого слабаго, ничтожнаго Генриха; эту злобную Медицисъ; обуреваемаго честолюбіемъ Гиза, и проч. и проч., великое, поражающее, что мы видимъ въ трехъ пьесахъ Виле? Ничего! Гизъ только кричитъ: Mille damnations! Malédictions! Malédictions! (по Русски переведено это: *Смерть и адъ! горе, горе!*)—Медицисъ испаряется въ словахъ; Король—кукла; Сенъ-Мегренъ

хвастунъ нестерпимый; Ругджіери [бездѣльникъ ничтожный; прочія лица Китайскія тѣни: ихъ выгоняютъ на театръ и сгоняютъ съ него, когда они проговорятъ потребное Автору число страницъ. Сцена давленія руки нестерпима. И къ чему замыслы, хитрости, умыслы Медичисъ, поединокъ и проч. и проч., когда все это улетѣло въ воздухъ, а Автору надобно было только зарѣзать Сенъ-Мегрена?

Нѣтъ! это *не Романтическая драма*, не drame historique, какъ сказано на заглавномъ листѣ (по Русски: «*Новая* Историческая драма.» Видно Переводчикъ думалъ, что словцо: *новая*, придастъ болѣе заманчивости пьесѣ для зрителей), а мелодрама, и плохая: только не достаетъ въ ней музыки. Если такими твореніями хотятъ замѣнять Андромахъ и Федръ, мы первые отказываемся отъ Романтизма!

Не полюбопытствуютъ-ли послѣ сего читатели знать: зачѣмъ это жалкое твореніе явилось въ Русскомъ переводѣ, на Русскомъ театрѣ, и въ печати? Какъ зачѣмъ? Вѣдь это Парижская новость, *новая* драма! Будто мы разбираемъ: хорошо или худо? Было-бы ново, и кто-же не пойдетъ смотрѣть пьесы, которую въ *Февралѣ* давали въ *Парижѣ*, а въ Октябрѣ даютъ въ Петербургѣ, и которую, какъ слухи дошли до насъ, почитаютъ въ Парижѣ *Романтическою*. — Правда, правда, и если *Сорока-воровка*, *Жоко*, *Обріева собака*, *Польдеръ*, *Взятіе Миссолунги*, *Ночь въ замкѣ Палюцци*, etc. etc., являлись на нашемъ театрѣ, то за *Генриха*

II-го и его Дворъ намъ придется еще сказать спасибо.

Но, не пора-ли думать при переводахъ Парижскихъ новостей? Не пора-ли имѣть сколько нибудь самостоятельнаго вкуса, здравой критики, не читать все Парижское за хорошее, ибо въ Парижѣ есть *Кузенъ*, есть и *Ламенне;* есть *Вите*, есть и *Дюмасъ?* Пора, пора, а еще болѣе пора сказать намъ что нибудь о Русскомъ переводѣ: онъ плохъ, и исполненъ ошибками, противъ Французскаго подлинника и противъ Русскаго языка.

— *Черный годъ, или Горскіе Князья.* Сочиненіе Василья Нарѣжнаго. 4 части. М. 1829 г., въ тип. Университ., in 12, 176, 147, 160 и 214 стр.

Слѣдовать-ли намъ правилу: de mortuis aut bene, aut nihil? Правило это въ новѣйшее время подвергается большому сомнѣнію. Но, Рецензентъ по неволѣ ничего не скажетъ объ изданномъ послѣ смерти уже Г-на Нарѣжнаго романѣ, ибо, онъ не могъ прочитать и *первой* его части. Къ извѣстностии нашего Теньера-романиста, кажется, ничего не прибавятъ *Горскіе Князья.*

— *Рѣчь о пользѣ и важности компаній и сообществъ*, для успѣховъ и развитія народной промышленности, по случаю Высочайшаго утвержденія Устава СПетербургской Земледѣльческой Компаніи и Всемилостивѣйшаго приняшія Государемъ Императоромъ, на свое Августѣйшее лицо акцій, произнесенная въ Собраніи учредителей Компаніи Маія 2 дня 1828 года, производителемъ дѣлъ оной, Тверскимъ помѣщикомъ, Полковникомъ и Кавалеромъ

Шелеховымъ, Кандидатомъ Физико-Математическихъ наукъ Императорскаго Московскаго Университета, Членомъ Московскаго Общества Любителей Словесности, С. Петербургскаго Экономическаго и Почетнымъ Членомъ Бѣлорусскаго Вольнаго Экономическаго Общества. СПб. 1829 г., въ т. Акад. Наукъ, in 8, 18 стр.

— *Discours sur l'utilité et l'importance des compagnies et associations* pour concourir aux progrès et au développement de l'industrie nationale, etc. (повторенъ вполнѣ заглавіе Русское), par le colonel et chevalier Schelekhoff, etc. (повторенъ весь титулъ Автора) СПб. 1829 г., въ т. Ак. Наукъ, in 8, 20 стр.

Авторъ изъяснилъ въ длинномъ названіи своей Рѣчи содержаніе оной, мѣсто гдѣ, и случай, по которому она говорена. Онъ исчисляетъ разныя иностранныя общества, для поощренія различныхъ предметовъ общественной жизни учрежденныя, а потомъ обращается къ Россіи, и предлагаетъ свои мысли о духѣ общественности, Компаніи Земледѣльческой, и проч. Кажется, что онъ упустилъ изъ вида два обстоятельства: 1-е, не раздѣлилъ обществъ на приобрѣтеніи барышей основанныхъ, отъ обществъ, имѣющихъ безкорыстную цѣль (напримѣръ: *Общество поощренія народной промышленности* и *Общество для застрахованія полей отъ града*); 2-е, не изъяснилъ: полезно-ли въ настоящихъ обстоятельствахъ Россійскаго Государства умноженіе и распространеніе земледѣлія; еще-же болѣе: полезно-ли заводить общество для образцоваго земледѣлія подъ 60° сѣверной широты?—Ав-

лоръ почитаетъ рѣшеннымъ вопросъ о томъ: точно-ли учрежденіе обществъ и компаній, какого-бы они рода ни были, полезно и важно для государства и общаго блага? Намъ кажется, что сей важный вопросъ Политической Экономіи едва-ли рѣшенъ положительно. По крайней мѣрѣ, то кажется несомнительнымъ, что учрежденіе компаній и обществъ весьма много зависитъ отъ сущности и условій каждаго общества, государства, и даже мѣста, въ которомъ та или другая компанія, то или другое общество заводится.

И. Г.

— *Исторія первыхъ четырехъ Хановъ изъ дома Чингисова.* Переведено съ Китайскаго Монахомъ Іакинѳомъ. СПб. 1829 г., въ т. К. Крайя, in 8, XVIII и 140 стр., съ картою.

Вотъ новое дополненіе къ *Исторіи Монголовъ*, которая столь важна для насъ по великому отношенію, какое имѣлъ сей народъ къ Русской Исторіи съ 1224 года. Въ означенной нами книгѣ, О. Іакинѳъ, съ свойственнымъ ему тщаніемъ и трудолюбіемъ, извлекъ изъ Китайскихъ источниковъ Исторію *прародителя, премудраго, воинственнаго Императора (Тхай-цзу Шенъ-ву-хуанъ-ди)*: такъ называютъ Китайцы страшилище рода человѣческаго, *Чингисъ-Хана*, или *Тэмуцзина*. Къ сему присовокупилъ О. Іакинѳъ Исторію трехъ его наслѣдниковъ. Все это составлено въ видѣ лѣтописи, погодно расположенной, съ 1201-го по 1260-й годъ. Она извлечена изъ двухъ Китайскихъ книгъ: Исторіи Чингисова дома, царствовавшаго въ Ки-

шаѣ, подъ именемъ: *Юань*, и изъ Китайской Все
общей Исторіи (*Тхунъ-цзлнь-ганъ-му*, или, со
кращенно: *Ганъ-му*). Первое изъ сихъ сочинені
есть краткое повѣствованіе; второе, плодовитый
исполненный вставокъ, подробностей, замѣчаній
даже нравоученій и апофѳегмъ разсказъ. «Спра
ведливо говорится,» восклицаетъ въ одномъ мѣ
стѣ Китайскій лѣтописецъ, «что иволга гонится
«за стрекозою, а самосшрѣлъ за нею. Страшны
«таинства судебъ!»—Вотъ еще политическо-ди
пломатическое разсужденіе, по поводу возведені
Монголами, обладавшими Китаемъ, одного ино
странца *Намо*, въ званіе *Го-шп*, или учите
ля государственнаго. «Въ основаніе царству не
обходимы» (говоритъ Китайскій Историкъ): «обя
занности между отцомъ и сыномъ, между Госуда
ремъ и чинами, между мужемъ и женою, между
старшими и младшими, между друзьями и пріяте
лями. Намо, подлый иноземецъ западнаго края
оставя домъ, скитался изъ прокормленія, слѣдова
тельно, не зналъ долга пропитывать отца и мать
Обрилъ онъ себѣ голову и распахнулъ одежду, слѣ
довательно не зналъ порядка между Государемъ и
подданнымъ. Отказавшись отъ брака, не имѣлъ
онъ преемника, слѣдовательно, не зналъ обязанно
стей супружества. Сидѣлъ онъ поджавши ноги под
себя, или на цыпочкахъ, слѣдовательно, не зналъ
долга между старшими и младшими. Отказался онъ
отъ общежитія, бѣжалъ отъ міра, слѣдовательно
не зналъ связей дружества. И такъ, изъ обязанно
стей человѣческихъ, служащихъ основаніемъ госу
дарству, онъ ни единой не имѣлъ! Получилъ онъ

титулъ *Го-ши*, т. е. учителя государственнаго; но въ чемъ онъ могъ быть учителемъ, и въ чемъ могъ служить примѣромъ? Монголы, будучи варвары, конечно ничего не требовали отъ него. Впрочемъ, такъ какъ они уже оставили валяные свои войлоки и приняли шляпу и поясъ (т. е. Китайское одѣяніе), овладѣли Китаемъ и назвались Императорами, то несовмѣстно имъ было имѣть такую невнимательность. Нарочно замѣчено сіе здѣсь, чтобы выказать смѣшеніе скотовъ между собою.»

Такихъ вставокъ, и, кромѣ того, рѣчей, замѣчаній, и проч., что ярко изображаетъ народность, мы находимъ въ изданной О. Іакинѳомъ книгѣ, множество. Предоставляемъ другимъ судить, какъ много любопытно и важно для мыслящаго наблюдателя, даже и безъ всякаго историческаго интереса.

Передавая все это, О. Іакинѳъ тщательно отдѣлялъ повѣствованія обоихъ Китайскихъ Историковъ одно отъ другаго, и снабдилъ переводъ свой драгоцѣнными поясненіями. Они были необходимы, ибо и при оныхъ даже, чтеніе *Исторіи первыхъ четырехъ Хановъ Чингисова дома*, равно какъ и всѣхъ другихъ точныхъ и вѣрныхъ переводовъ съ Китайскаго языка, чрезвычайно затруднительно.

Образъ повѣствованія, изложеніе, имена, все сломъ, представляется намъ въ сочиненіяхъ Китайцевъ въ новомъ, необыкновенномъ для насъ видѣ. Многіе переводчики, дабы сдѣлать сочиненія Китайцевъ понятными, *объевропеивали* (если можно такъ сказать) Китайскія повѣствованія въ своихъ переводахъ. О. Іакинѳъ слѣдуетъ прошивной мето-

дѣ: онъ голословно, съ возможнѣйшею точностью, передаетъ намъ слова Китайцевъ. Это услуга великая; но, тѣмъ не менѣе чтеніе такого перевода требуетъ вниманія, навыка и поясненій. Вотъ, на примѣръ, одно изъ препятствій: Китайское письмо составляютъ гіероглифы, символическіе знаки для выраженія предметовъ. Древніе Китайцы выбирали для иностранныхъ именъ такіе гіероглифы, которые выражали двусмысленно значеніе предмета, представляя въ звукахъ *имя*, а въ понятіи *сатирическую насмѣшку*. При царствующей нынѣ династіи велѣно замѣнить всѣ такіе двусмысленные гіероглифы новыми, и изданъ Словарь для значительной части Китайской Исторіи. Что за путаница отъ сего происходитъ, если переводчикъ неискусенъ, и если онъ передѣлываетъ еще все по своему! — Географическія названія представляютъ новыя затрудненія. Въ семъ случаѣ мы особенно благодарны О. Іакинѳу за приложеніе Словаря именъ и названій. Онъ сличилъ притомъ съ своимъ переводомъ извѣстную Исторію Ташаръ Абулгази Баядуръ-Хана, и сдѣлалъ объ этомъ особыя примѣчанія. Вообще, мы повторимъ много уже разъ говоренное нами, что О. Іакинѳъ есть образцовый по своимъ трудамъ Русскій литераторъ. Дай намъ Богъ видѣть послѣдователей его по всѣмъ отраслямъ бѣдной Литтературы нашей!

— *Искуство учиться прогуливаясь*, или Ручная Энциклопедія для воспитанія, составленная Графомъ Ангальтомъ, изданная С. Глинкою. М. 1829 г., въ т. Университ., in 16, XI и 189 стр., съ портре-

шомъ, снимкомъ почерка Графа Ангальта, и многими картинками.

Сія книга есть прогательный знакъ благодарности одного изъ почтенныхъ людей, воспитывавшихся въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ подъ вѣдѣніемъ Графа Ангальта, бывшаго нѣкогда начальникомъ онаго Корпуса. Память сего благодѣтельнаго и знаменитаго вельможи должна быть для насъ незабвенною. Его называли *отцомъ кадетовъ;* слезы бѣдныхъ и сиротъ лились на его могилѣ, при воплѣхъ: *мы лишились отца своего!* и полны облагодѣтельствованныхъ имъ несчастныхъ шли за его гробомъ. Сіи и многія другія подробности о жизни и добродѣтеляхъ Графа Ангальта, С. Н. Глинка представляетъ въ изданной имъ книжкѣ. Вельможѣ труднѣе людей низшаго званія быть добродѣтельнымъ. Какихъ-же воспоминаній благодарнаго потомства не заслуживаетъ память вельможи-*героя добродѣтели?*

Въ числѣ способовъ, употребленныхъ Графомъ Ангальтомъ для образованія кадетовъ, былъ, между прочимъ, и слѣдующій: онъ велѣлъ написать въ рекреаціонной залѣ Корпуса множество различныхъ изображеній, съ надписями, въ стихахъ и прозѣ, на Французскомъ, Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Въ часы прогулокъ и отдыховъ, кадеты разсматривали изображенія, читали надписи; учители, и самъ Графъ Ангальтъ, изъясняли, растолковывали имъ оныя, приучали ихъ изъяснять, думать, говорить. Умъ учился соображать, языкъ выражать понятія, и множество полезныхъ предме-

новъ забавою впечатлѣвалось въ юныя головы и сердца, ибо всѣ изображенія относились къ Исторіи, Географіи, Математикѣ, и проч., а надписи состояли изъ девизовъ, пословицъ, и т. п. — Все это было нѣкогда собрано и издано въ особой книжкѣ. С. Н. Глинка напечаталъ вновь сію, рѣдкую нынѣ, книжку.

Присовокупивъ свои воспоминанія о Графѣ Ангальтѣ, онъ помѣстилъ въ окончаніи книжки, отдѣльно, разныя нравоучительныя пьески, и Отрывокъ изъ новаго своего сочиненія, которое намѣренъ издать вскорѣ, подъ названіемъ: *Опытъ Словаря словесности, нравственности и наукъ.* — Портретъ и снимокъ съ почерка Графа Ангальта доставлены С. Н. Глинкѣ Его Превосходительствомъ, А. А. Писаревымъ, который также хранитъ благодарную память о Графѣ Ангальтѣ, какъ драгоцѣнное воспоминаніе юности своей. Честь и слава Графу Ангальту! Чувство уваженія тѣмъ, которые умѣютъ помнить добродѣтель и благодѣяніе!

— *Парижская прачка*, или искусство мыть и чистить бѣлье обыкновенными средствами и парами. Соч. Г-на Массонета, Директора бѣлильнаго заведенія въ Шалліотѣ, и Г-на Мишеля. Пер. съ Французскаго. М. 1829 г., въ т. Института (Армянскаго) Гг. Лазаревыхъ, in 12, XIX, 121 и II стр.

Послѣ словъ: *Переводъ съ Французскаго*, поставлено на заглавномъ листкѣ: *Парижъ, 1829 года.* Не знаемъ, что значатъ сіи слова, и если не ошибаемся, то надпись: *Парижская прачка*, выдумана

на Руси, а книжка принадлежитъ къ собранію, названному на Французскомъ языкѣ: Encyclopédie populaire. Это весьма хорошее, систематическое, и даже, можетъ быть, слишкомъ ученое для многихъ, описаніе употребляемыхъ во Франціи способовъ мыть бѣлье. Здѣсь не льзя не замѣтить Г-ну Издателю Русскаго перевода, что сдѣлавшіяся пошлыми и шарлатанскими названія (какъ-то: *Совершенный винокуръ, Парижскій поваръ, Нѣмецкая стряпуха* и проч.) могутъ болѣе вредить хорошему сочиненію, нежели возвышать его въ глазахъ читателей. Прочитавъ объявленіе о *Парижской прачкѣ*, всякій подумаетъ, что эта *прачка* есть обыкновенный сборникъ старой дряни, книжонка, подобная тѣмъ, какія выходятъ у насъ безпрестанно, подъ титулами *секретныхъ, новыхъ, полныхъ, новѣйшихъ*, и т. д.— Напротивъ, *Парижская прачка* есть весьма полезная и хорошо переведенная книжка, которую можно порекомендовать добрымъ хозяевамъ и хозяйкамъ, не смотря на смѣшное названіе оной.

СМѢСЬ.

Письма съ береговъ Лены.

IV. Послѣ маленькихъ городовъ: Киренска и Олекминска, Якутскъ покажется даже великолѣпнымъ и многолюднымъ городомъ, хотя великолѣпіе сіе и состоитъ изъ 300 деревянныхъ домовъ; но, хорошо застроенная и прямая Никольская улица и каменныя церкви, единственныя по всему здѣшнему краю, производятъ въ цѣломъ эффектъ, а бродящіе по улицамъ Якуты обоего пола, въ національныхъ костюмахъ, придаютъ городу живость и движеніе. Въ Гостиномъ дворѣ открыто много лавокъ; на рынкѣ толпится народъ, и мелькаютъ кое-гдѣ порядочные экипажи. Говорятъ, что лѣтомъ Якутскъ еще болѣе оживаетъ. Изъ Иркутска, на многихъ баркахъ приплываютъ купцы съ товарами, а изъ верховья Лены мѣщане и крестьяне, съ хлѣбомъ и овощами, потому что въ Якутскѣ ничего почти не родится, не столько отъ климата, сколько отъ солончаковой почвы земли, чему доказательствомъ служитъ Амгинская слобода, въ 253 верстахъ къ востоку отъ Якутска лежащая, гдѣ съ успѣхомъ произрастаетъ нивяная зелень. Лѣтніе мѣсяцы, по всему пространству Лены, сосредоточиваютъ, такъ называемую, ярмарку, ибо тог-

да жители запасаются съ навозковъ и барокъ всѣ-ми необходимыми вещами для цѣлаго года; Якутская-же ярмарка начинается съ 1-го Іюня, и оканчивается 1-го Августа. Сюда съѣзжаются жители изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ области съ пушными товарами. Оборотъ на ярмаркѣ сей въ иные годы простирается до 3-хъ милліоновъ рублей.

Въ Якутскѣ, такъ-же какъ и въ Олекминскѣ, по всѣмъ домамъ господствуетъ Якутскій языкъ, точно какъ у насъ въ столицахъ Французскій. И взрослые и дѣти сообщаютъ другъ другу мысли свои на языкѣ инородномъ, а опъ сего Русскій языкъ чрезвычайно здѣсь нечистъ, и имѣетъ какую-то свою особенную физіогномію.

Во многихъ купеческихъ домахъ примѣтны слѣды роскоши, напримѣръ: фортопьяно, хорошая мебель, живопись и проч. — Здѣсь есть и Благородное собраніе, куда лучшая публика съѣзжается въ извѣстные дни танцовать и убивать время — увы! за картами.

Якутскъ лежитъ на лѣвомъ берегу Лены; въ длину простирается версты на двѣ, въ ширину-же около версты. Въ немъ каменныхъ церквей пять, деревянныхъ двѣ; домовъ каменныхъ только два, одинъ купеческій, а другой казенный. Отъ старинной деревянной крѣпости (острога) осталось только нѣсколько башенъ. Гостиный дворъ каменный, но еще не отдѣланъ. Жителей считается въ Якутскѣ 1811. Здѣсь стоитъ рота Внутренней стражи и 500-ный Казачій полкъ,

который разсѣянъ по всѣмъ мѣстечкамъ Области. Жители преимущественно занимаются скотоводствомъ; ремесла-же, кажется, предоставили они Якутамъ: лучшіе плотники, столяры, кузнецы, суть Якуты. Они хорошо дѣлаютъ изъ маманотовой кости гребни, шашки, и другія мѣлочныя издѣлія. Столярная ихъ работа заслуживаетъ удивленіе, потому что она производится только двумя инструментами: стругомъ и ножомъ; рѣзьба дѣлается концомъ изогнутаго ножа, къ чему желѣзо, добываемое Якутами на рѣкѣ Вилюѣ, весьма удобно, ибо, при чрезвычайной остротѣ и крѣпости, гнется какъ мѣдь, не имѣя упругости.

Якутскій край и рѣка Лена извѣстны стали Россіянамъ съ 1620-го года. Мангазейскіе казаки, покорившіе Тунгусовъ, обитавшихъ по рѣкѣ Вилюю, узнали отъ нихъ о существованіи Якутовъ и рѣки Лены. Подъ предводительствомъ Головы, Василья Маршынова, они напали на Якутовъ, побѣдили ихъ, и нѣсколько родовъ обложили ясакомъ. Послѣ того, въ 1632 году, Енисейской Команды Сотникъ Бекешовъ заложилъ Якутскій Острогъ, на правомъ берегу Лены, на урочищѣ, называемомъ *Чимадай*, въ 70 верстахъ ниже нынѣшняго Якутска. Острогъ сей извѣстенъ былъ въ старинныхъ бумагахъ подъ именемъ *Острога на велицей рѣкѣ Ленѣ*, и управлялся присылавшимися изъ Енисейска Правителями. Между тѣмъ завоеватели, распространясь во всѣ концы Якутской Области, покорили большую часть инородцевъ, тамъ обитающихъ. Между удальцами сими извѣстны: Десяш-

нихъ Елисей Буза; Атаманъ Максимъ Перфильевъ; Степанъ Корытовъ и Евстафій Коловъ. Но, между завоевателями и Правителями Якутска часто возникали распри и несогласія, подававшія поводъ покореннымъ народамъ къ возстаніямъ, и даже неоднократнымъ осадамъ самаго Острога. Посему, съ 1640 года стали посылать въ Якутскъ Воеводъ изъ Стольниковъ, и первые изъ нихъ были: Петръ Петровичъ Головинъ и Матвѣй Ивановичъ Глѣбовъ, которые изъ Москвы отправились въ 1638-мъ году, а въ Якутскъ пріѣхали въ Іюнѣ 1640-го года. Спустя десять лѣтъ послѣ заложенія Острога, перенесенъ онъ былъ на нынѣшнее мѣсто, называвшееся *Сай-Сара*, что значитъ *пріятная весна.* Изобильные звѣриные промыслы и торговля съ инородцами вскорѣ привлекли сюда многихъ, такъ, что не только служивые, дѣти Боярскіе и казаки остались тутъ на жительствѣ, но и зашедшіе для торговли, женившись на Якутскахъ, завелись домами. Отъ сего-то смѣшенія природные здѣшніе жители имѣютъ свою особенную физіогномію, и говорятъ нечистымъ Русскимъ языкомъ. Изъ сихъ поселенцевъ 50 человѣкъ получили право дворянства, а 500 поступили въ казаки, и какъ тѣмъ, такъ и другимъ отведены были земли, поступившія въ послѣдствіи времени опять въ вѣдѣніе Якутовъ.

Въ заключеніе письма, скажу тебѣ, любезный другъ, что Якуты, называющіе сами себя *Саха*, и есть первобытные обитатели сихъ странъ,

но народъ, зашедшій изъ южной Сибири, о чемъ подробно напишу въ слѣдующемъ письмѣ.

Н. Ш.

Якутскъ, 20 Марта,
1829.

Письмо изъ Тобольска.

Желаніе путешествовать, не такъ какъ многіе изъ моихъ соотечественниковъ; по чужимъ краямъ, но напротивъ того въ собственномъ нашемъ отечествѣ, завлекло меня въ неизмѣримую Сибирь, всегда бывшую предметомъ моего любопытства. Не стану говорить тебѣ, люб. др., о ея рѣдкостяхъ и богатствѣ, которымъ она изобилуетъ. Объ этомъ есть уже много сочиненій, да я и самъ помѣстилъ подобныя замѣчанія въ книгѣ, которую намѣренъ издать со временемъ. Еще не знаю, когда достигну своей цѣли: можетъ быть никогда, можетъ быть черезъ нѣсколько лѣтъ. До тѣхъ поръ, вмѣняя себѣ въ обязанность, согласно данному тебѣ обѣщанію, увѣдомлять обо всемъ, что заслужитъ мое вниманіе, сообщу тебѣ на первый разъ слѣдующее.

Я пріѣхалъ въ Тобольскъ 19 Января сего года, остановился на постояломъ дворѣ, и сѣлъ у окна смотрѣть на проходящихъ. Тутъ явился хозяинъ дома, и сказалъ мнѣ, что чрезъ нѣсколько дней будетъ данъ концертъ, въ пользу бѣдныхъ, въ которомъ участвуетъ много благородныхъ особъ.

Этотъ концертъ былъ назначенъ еще въ прошедшемъ году; но, по случаю горестной кончины Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, отложенъ до 22-го Января. Я спросилъ аффишку, пробѣжалъ ея содержаніе, и послалъ за билетомъ. Легко можетъ быть, что ты улыбнешься; но могу увѣрить тебя, что исполненіе концерта превзошло мое ожиданіе. Будучи охотникомъ до подробностей, скажу тебѣ все, какъ что было. 22-го числа отправился я въ домъ Гимназіи. Вообрази мое удивленіе: подходя къ дому, вижу нѣсколько каретъ, множество саней и прекрасную наружную иллюминацію. Вхожу въ залу: блескъ богатаго освѣщенія, въ лучшемъ вкусѣ, ослѣпилъ меня. Многолюдное собраніе, отличное устроеніе оркестра, состоящаго изъ трехъ пѣвческихъ хоровъ и 100 музыкантовъ (Линейнаго Казачьяго войска и Тобольскаго баталіона), внушили мнѣ какое-то особое чувство, когда я вспомнилъ, въ какомъ дальнемъ краю Россіи нахожусь теперь. Наконецъ явился Г. Генералъ-Губернаторъ, и музыка загремѣла.

Вотъ содержаніе концерта:

I часть. 1-е, *Увертюра изъ Донъ-Жуана.* Адажіо шло прелестно; кресчендо и декресчендо были соблюдены съ точностію, аллегро-же своею живостію меня восхитило. 2-е, К. Г. Быховецъ-Самарскій, съ аккомпаньеманомъ всего оркестра, сыгралъ на скрипкѣ варіяціи, на пѣсню: *Ахъ! что-жъ ты голубчикъ*, довольно пріятно. 3-е, Елис. Петр. Кирилова, 12-ти лѣтъ, играла на форпіаніо

Рондо, Моцарта, съ аккомпаньеманомъ всего-жъ оркестра. Судя по возрасту, должно удивляться ея способностямъ. 4-е, Д. Е. Владимировъ пѣлъ Русскій романсъ: *Тебя забыть*, весьма пріятно, но къ сожалѣнію слабый голосъ его былъ заглушаемъ огромностію оркестра и хоровъ. 5-е, Г. К. Фонъ-Криденеръ игралъ на скрипкѣ *концертъ Роде* (Emol), и привелъ меня въ восхищеніе: оркестръ аккомпанировалъ ему отлично. 6-е, Хоръ *Въ сей день вы Россы торжествуйте*, если и имѣлъ свои красоты, то столько заключалъ шума, что совершенно не разобралъ я ни словъ, ни музыки.

II часть. 1-е, *Увертюра*, нарочно сочиненная по случаю сего концерта и чрезвычайно хорошо сыгранная, меланхолическою своею гармоніею необыкновенно мнѣ понравилась. 2-е, Е. Н. Жуковская играла на фортопьяно *концертъ, сочиненія Фильда*. Трудно мнѣ выразить тебѣ, люб. др., то чувство, которое я ощущалъ, слушая игру ея. Какъ сохранила она точность, вѣрность, пріятность и быстроту! Она, такъ сказать, обворожила всѣхъ слушателей, и громкимъ рукоплесканіямъ не было конца. Сверхъ того, представь себѣ прелестнѣйшую наружность, выраженіе лица небесное: не подумай однакожь, чтобы *это* послужило поводомъ ко всеобщему одобренію. Истинно, одинъ талантъ заставлялъ всѣхъ удивляться ей. 3-е, Д. Е. Владимировъ пѣлъ, довольно изрядно, извѣстную пѣсню: *Соловей мой, соловей*, которая, можетъ быть, мнѣ не такъ понравилась

тому только, что въ бытность свою въ Мос-
ѣ, нѣсколько разъ прельщался я, такъ-же какъ
многіе другіе, слушая Бантышева. 4-е, Е. Н.
уковская и Г. К. Фонъ-Криденеръ играли на фор-
пьяно варіяціи, сочиненія Рисса (на арію: Di
ti palpiti), à quatre mains, съ аккомпаньеманомъ
его оркестра, весьма хорошо. 5-е, Г. К. Фонъ
риденеръ игралъ на скрипкѣ Тирольскія варія-
и, сочиненія Маурера, такъ искусно, что онѣ
вѣрно принесли-бы большое удовольствіе само-
автору. 6-е, *Элегія*, сочиненная на кончину
ператрицы Маріи Ѳеодоровны. Музыка новая,
мѣнно удачна я и приличная, въ отношеніи къ
рему высокому предмету. Стихи И. Л. Черкасо-
Не стану хвалить ихъ, а скажу просто, что
ушая оные, пѣтые огромнымъ хоромъ, и музы-
, я чувствовалъ, что нѣсколько разъ навертыв-
лись у меня слезы. Признаюсь откровенно, что
тутъ бывшіе, отъ чистаго сердца вспомини-
ли о добродѣтельной и незабвенной Царицѣ.
чтобы дать тебѣ настоящее понятіе объ Эле-
, прилагаю у сего стихи, выпрошенные мною
моего концертнаго сосѣда. Вотъ они:

1.

Утраты Царства роковыя
Еще умножены судьбой:
Царица кроткая, Марія,
Скончала мирный путь земной,
И, Провидѣнію внимая,
Парящъ нашъ Ангелъ къ небесамъ,
И тамъ, пріемлетъ въ нѣдрахъ рая
Возмездіе благимъ дѣламъ!

2.

Ты состраданельностью нѣжной
Храня покой вдовицъ, сиротъ,
Отверзла имъ пріютъ надежный,
И благостно среди заботъ,
Лелѣя дѣвственную младость
Своихъ питомицъ и дѣтей,
Тобой обрадованныхъ, радость
Дѣлила, Мать земныхъ Царей!

3.

Свершилось! Жизни драгоцѣнной
Всевышній положилъ конецъ!
И нѣтъ Маріи незабвенной!...
Но, въ грустной памяти сердецъ
Она переживетъ вѣчное!
Благословенья, слава Ей,
Какъ чувство истины святое,
Есть дань любви Россіи всей.

Послѣ сего слѣдовало — 7-е, *финалъ*: «Боже! Ца
ря храни!» Вообрази себѣ весь оркестръ, пр
хора, и сверхъ того восемь трубъ. Не знак
что со мною сдѣлалось: мнѣ не вѣрилось, что
въ Тобольскѣ. Въ однѣхъ столицахъ можно встрѣ
тишь такое величіе. Надобно было видѣть ра
дость, начертанную на лицѣ каждаго. Какой не
обычайный переходъ отъ печали, произведенной
Элегіею, къ тому восторгу, который раждает
въ Русскомъ сердцѣ пѣснь, прославленная нено
дражаемою Каталани! Если-бъ ты могъ быть не

видимкою, то я желалъ-бы чтобъ на этотъ
разъ ты былъ со мною. Тогда увидѣлъ-бы ты,
такъ-же какъ и я, радость, одушевлявшую жи-
телей Сѣвера при имени обожаемаго Монарха.

Скажу тебѣ еще, что собрана была значитель-
ная сумма. Для раздачи денегъ, Г. Генералъ-Губер-
наторъ, свойственно благодѣтельнымъ своимъ на-
мѣреніямъ и тщательной заботливости о положе-
ніи неимущихъ, учредилъ особый Комитетъ. Одинъ
изъ Членовъ онаго, 1-й гильдіи Тобольскій купецъ
Пиленковъ, пожертвовалъ по случаю сего концер-
та все освѣщеніе и всѣ матеріялы, для устрой-
ства залы и оркестра.

Прощай, люб. др.—Вотъ тебѣ описаніе событія,
котораго я и самъ не ожидалъ въ отдаленной Си-
бири. Здѣсь также процвѣтаютъ таланты. Если
проживу въ Тобольскѣ еще нѣкоторое время, то,
можетъ быть, пришлю тебѣ описаніе и втораго
концерта, который намѣреваются дать въ пользу
учебныхъ заведеній.

Русскій Театръ.

Горбуны въ модной лавкѣ, водевиль; *Графъ Вальтронъ*, драма; *Роландъ и Моргана*, балетъ (Бенефисъ Г-жи Глушковской, 24-го Октября).

Полезно-ль просвѣщеніе? спрашиваетъ нашъ несравненный Крыловъ, въ началѣ одной басни. И послѣ сего самъ отвѣчаетъ: полезно, спору нѣтъ о томъ! И мы не будемъ спорить о пользѣ просвѣщенія; посмотримъ только: не имѣетъ-ли оно своей темной стороны? Увы! имѣетъ такую сторону, на которую даже стыдно глядѣть! Мы дивимся исполинскому подвигу Великаго Петра, который насильно ввелъ просвѣщеніе въ наше отечество; но, вѣроятно, Безсмертный Преобразователь Россіи не предполагалъ, что чѣмъ скорѣе онъ образуетъ свой народъ, тѣмъ болѣе дастъ жизни гадамъ и вреднымъ насѣкомымъ нравственнаго міра. И подлинно! Когда посмотришь на то, что дѣлается у насъ подъ общею фирмою *просвѣщенія*, то невольно согласишься съ мнѣніемъ Дидерота, который утверждалъ, что Рускіе испортились не дозрѣвши. Въ то время, когда люди благомыслящіе, и въ полномъ смыслѣ просвѣщенные, стараются упрочить славу нашего отечества во всѣхъ отношеніяхъ; когда министры, военачальники, писатели, художники, съ патріотическимъ рвеніемъ силятся придать новый блескъ обширнѣйшей

ржавѣ въ цѣломъ мірѣ — толпы полуневѣждъ, по-
бно червямъ, зараждаемымъ лучами солнца, пре-
пятствуютъ мощному прозябенію истинно хоро-
го и полезнаго. Кто-бы подумалъ, что всѣмъ
мъ неутѣшительнымъ размышленіямъ былъ при-
ною нелѣпый водевиль? Какъ быть? И водевиль
раетъ свою роль въ жизни нашего просвѣщенія!
философствуемъ еще, ради водевильныхъ изящ-
шей. Въ чужихъ краяхъ, человѣкъ не знающій
новательно роднаго языка и не пріобрѣтшій
дѣній, потребныхъ для сотворенія чего-либо
рядочнаго, никогда не отважится выступить
поприще Словесности. Въ образованныхъ зем-
ъ Европы, въ каждой деревнѣ можно отыскать
ыкантовъ, которые очень порядочно разыгры-
шъ вальсы, кадрили, контрдансы и тому по-
ное. Но ни одинъ изъ сихъ виртуозовъ не осмѣ-
ся сочинять оперы и выставлять свое имя на
ишкѣ. У насъ въ Россіи, все обходится го-
до легче. Если кто знаетъ, гдѣ должно ста-
ь ѣ, гдѣ е, тотъ уже увѣренъ, что онъ зна-
ъ въ Русскомъ языкѣ; если съ помощью Таши-
а Лексикона можетъ онъ кое-какъ прочитать
шейку въ Journal des Débats, то по мнѣнію его
смѣло можетъ переводить новѣйшія произве-
я Французской Словесности; если этотъ мно-
ающій слышалъ кое-что о Шеллингѣ, о Кузе-
объ Окенѣ и о Вильмменѣ, то онъ почитаетъ
непогрѣшительнымъ судьею въ литтературр-
дѣлѣ; если пріятель подобнаго мудреца умѣ-
разыграть на скрипкѣ: *Выйду-ль я на рѣчень-*
съ варіяціями, то уже предполагается въ

немъ великій музыкальный шаланшъ; если этот
Орфей имѣетъ понятіе о *Септимѣ-Минорѣ* и об
Accord parfait, то *мудрецъ-пріятель* побуждает
его приняшься за композицію. И вотъ одинъ *на*
вретъ водевиль, другой *привретъ* музыку; и вот
выставлены на аффишѣ два имени, которые такъ
глядятъ въ потомство! И вотъ начинаются реп
тиціи знаменитаго произведенія, мученія ра
актеровъ и театральной Дирекціи; и тутъ авт
ры, одинъ передъ другимъ выказываютъ всю сво
ученость! Сочинитель словъ даетъ артистам
длинныя записки, въ коихъ зѣло глубокомыслен
поясненны характеры всѣхъ дѣйствующихъ лицъ
даже опредѣлено, сколько шаговъ долженъ акте
сдѣлать на сценѣ, которую руку поднять при т
комъ-то словѣ, въ которую сторону оборотить
въ такомъ-то явленіи, и проч. Композиторъ меж
тѣмъ гнѣвается на всепокорнѣйшіе доклады
пельмейстера и музыкантовъ, утверждающихъ
что въ новосочиненной музыкѣ нѣтъ ни склад
ни толку и оркестръ не можетъ оную разыгра
порядочно. И вотъ наступитъ день представлен
И вотъ зѣваетъ публика, между тѣмъ какъ авт
ры, стоя за кулисами, ожидаютъ вожделѣнной м
нуты вызова, для того чтобы съ торжество
выказать свои фигуры изъ директорской ложи.
вотъ кончилась пьеса, и зрители, съ шумо
вставши съ креселъ, оборачиваются спиною
сценѣ! А это движеніе также выразительно, ка
и пронзительные свистки иностранныхъ теа
ровъ. Что-же авторы? Браняшъ актеровъ, Д
рекцію и всю публику. Одни не умѣли понять с

ъ ролей', другая не хотѣла обставить пьесу
акъ должно, а послѣдняя глупа, ничего не пони-
аетъ, равнодушна къ изящному, и проч. Въ этихъ
арѣканіяхъ бываетъ иногда кое-что справедливое.
ерѣдко случается, что акперы и желали-бы по-
ять свои роли, да не могутъ; что Дирекція те-
тра не поступаетъ съ пьесою какъ-бы слѣдовало,
о есть не отказываетъ напрямикъ въ предста-
леніи оной, а публика, не видя ничего *изящнаго*,
авнодушнымъ молчаніемъ отплачиваетъ за нане-
енную ей скуку.

Иной подумаетъ, что мы хотимъ напугать мо-
одыхъ писателей, испытывающихъ свои силы на
оприщѣ Драматической Литтературы. Напро-
ивъ! Мы всегда этимъ господамъ говоримъ, не
олько: пишите въ добрый часъ, но даже: сдѣ-
айте милость пишите! Оживляйте чѣмъ нибудь
ѣдную нашу Словесность, имѣйте блистательные успѣхи, заставляйте насъ самихъ рукоплескать вамъ, только, ради Бога! прежде нежели вы
ремитесь за перо, поучитесь чему нибудь. Глубокой учености отъ васъ не требуютъ: знайте по
райней мѣрѣ то, что необходимо, и испытывайте ваши силы осторожно, слегка и безъ напряженія. Не всякому поклоннику сценическихъ
узъ назначено достигнуть вѣковой и всеобщей
лавы Шекспира, Кальдерона, Корнеля и Шилле-
а. Будьте довольны тѣмъ, что вы удовлетвори-
е господствующей модѣ. Легкія произведенія
анара, Дезожье, Скриба, Дювера, Мельвиля и
ногихъ другихъ, можно уподобить дамскимъ убо-

рамъ, которые сначала раскупаются на перерывъ и въ скоромъ времени замѣняются другими. Для нихъ нѣтъ потомства! Но тѣмъ не менѣе они удовлетворяютъ потребностямъ своего времени, и публика отъ души говоритъ авторамъ: спасибо! Отъ чего это происходитъ? Отъ того, что эти господа не предпринимали ничего свыше ихъ силъ, старались изучать вкусъ публики и современные нравы, и сими средствами придавали занимательность своимъ бездѣлкамъ. А нашимъ господамъ композиторамъ, мы скажемъ: Милостивые Государи! Если вы имѣете наклонность къ музыкѣ, то благоволите узнать, что пиликанье на скрипкѣ или перебираніе пальцами по клавишамъ фортопьяно не дѣлаютъ еще музыканта-сочинителя. Музыка имѣетъ свои правила и требуетъ изученія, какъ и всякая другая отрасль познаній человѣческихъ. Вы прислушивались къ операмъ Россини и Вебера, и полагаете, что уже угадали тайну искусства сихъ знаменитыхъ композиторовъ, если замѣтили на какой ладъ настроиваютъ они оркестръ? Вы ошибаетесь! Ключъ съ шестью бемолями, мѣра въ девять восьмыхъ, и низкія ноты для духовыхъ инструментовъ, не произведутъ ни мелодіи, ни гармоніи, если у васъ нѣтъ мыслей. Не угодно-ли вамъ заглянуть въ огромное собраніе, извѣстное подъ названіемъ: La clé du caveau? или хотя въ собраніе простонародныхъ Русскихъ пѣсенъ, изданное Прачемъ? Посмотрите, сколько вы тамъ найдете простыхъ, немудреныхъ напѣвовъ, но исполненныхъ чувства и мыслей, которыхъ напрасно будемъ мы доискиваться въ вашихъ мусикій-

кихъ вычурахъ. Если даже и эша справка для васъ
атрудннтельна, то мы просимъ васъ прислушать-
я къ пѣнью здѣшнихъ Цыганскихъ шабаровъ. Въ
ѣсняхъ, слагаемыхъ этими потомками Индійскихъ
Іаріевъ (какъ называютъ ихъ Историки), вы най-
ете сладкогласіе, чувство, и, прибавимъ къ сему,
ѣкоторое знаніе музыки; а этого-то и нѣтъ въ
ашихъ произведеніяхъ. И такъ знайте, что Мо-
ковская публика не отъ невѣжества слушаетъ
ыганскіе хоры или полковыхъ пѣсельниковъ, съ
ольшимъ удовольствіемъ, нежели всѣ ваши кудре-
ато-вялые водевильчики.

Съ сими горестными размышленіями смотрѣли
ы на представленіе водевиля: *Горбуны въ модной
явкѣ*, который появился на сценѣ назадъ тому го-
а четыре, и нынѣ, по какому-то непонятному
апризу бенефиціантки, вторично былъ выстав-
енъ, вѣроятно въ послѣдній разъ. Имена Перевод-
ика и Сочинителя музыки не были напечатаны на
ффишѣ. Доброе дѣло! . . . Пьеса была разыграна
учшими нашими артистами, именно: Г-жами Са-
ровой, Кавалеровой и Кураевой, Гг-ми Щепки-
ымъ, Сабуровымъ и Живокини. Но ихъ искуство
е могло придать занимательности этому жалко-
у произведенію. Не было даже ни одного снос-
аго куплета. А музыка? О! курьозная штука!
ежду прочими диковинками, которыми уподчи-
лъ насъ новый Орфей, пріятнѣе всего было слу-
ать духовые инструменты, которые крякали
къ дикія ушки. А для чего? для того, что въ
аменитой увертюрѣ Волшебнаго Стрѣлка гобои
кларнеты играютъ низкимъ тономъ, что и про-

изводитъ эффектъ!...Если страсть писать водевил
и сочинять къ нимъ музыку до такой степени овла
дѣла нашими земляками, то мы совѣтуемъ имъ на
нимать дядекъ, или корректоровъ, которые ис
правляли-бы ихъ ошибки и замѣщали своими мысля
ми ихъ нелѣпости, такъ чтобы ничего авторскаг
не осталось въ сочиненіи. Тогда сіи знамениты
произведенія будутъ похожи на стихи и рѣчи, чи
таемые при торжественныхъ актахъ одного учеб
наго заведенія въ древней столицѣ!

Представленная послѣ водевиля драма: *Граф
Вальтронъ*, есть старинное Нѣмецкое произведе
ніе, довольно трогательное, но весьма неправдо
подобное. Капитанъ Графъ Вальтронъ, находящій
ся во время войны въ лагерѣ, неоднократно от
личался въ сраженіяхъ, и даже имѣлъ счастіе спа
сти жизнь брата своего монарха. Любимый своим
подчиненными и товарищами, уважаемый начальни
ками, Вальтронъ ожидаетъ повышенія; но межд
тѣмъ выговоръ, сдѣланный ему Полковникомъ в
присутствіи Фельдмаршала, до такой степен
подстрекаетъ его запальчивость, что онъ обна
жаетъ шпагу прошивъ своего командира. Фельд
маршалъ находитъ себя вынужденнымъ пригово
рить къ смерти храбраго офицера за сей посту
покъ, противный военной дисциплинѣ. Приказъ от
данъ; всѣ плачутъ и рыдаютъ; солдаты испраш
ваютъ пощады своему Капитану; молодая супруг
Вальтрона пріѣзжаетъ въ лагерь съ малолѣтнымъ
сыномъ, узнаетъ, какое бѣдствіе постигло ея му
жа, изыскиваетъ средства спасти его, но во
тщетно!... Исполненіе казни уже назначено,

льтронъ готовится воспріять смерть. Въ эту
нуту, какъ водится, получено прощеніе, исхо-
тайствованное Принцемъ, и всѣ довольны.—Каж-
му извѣстно, что отъ Португаліи и до Японіи,
здѣ, гдѣ только существуютъ регулярныя вой-
а, предводители оныхъ, не смотря на строгость
инскихъ законовъ, никогда не приносятъ въ
ертву дисциплинѣ отличнаго офицера за мгно-
нную его запальчивость. Фельдмаршалъ, имѣю-
ій право подписать смертный приговоръ, имѣетъ
акже право и помиловать виновнаго, вмѣняя его
ревнія заслуги въ справедливую причину облегче-
я кары. Измѣна, смертоубійство, судятся стро-
о и безъ пощады, но въ пьесѣ ничего подобнаго
е было. Сверхъ того, въ военной службѣ, при са-
ой явной уликѣ, виновный подвергаешся суду сво-
къ сослуживцевъ, и ему даются всѣ средства къ
правданію. Главнокомандующій обыкновенно под-
исываетъ сентенцію, сдѣланную судомъ на осно-
ніи Воинскаго Устава, а не приговариваетъ са-
опроизвольно къ разстрѣлянію храбраго и всѣми
важаемаго офицера. Подобныхъ примѣровъ не бы-
ало въ арміяхъ образованныхъ государствъ. Всѣ
и несообразности извиняются тѣмъ, что на те-
прахъ—по пословицѣ: не всякое лыко въ строку.
Между тѣмъ драма: *Графъ Вальтронъ*, понра-
илась публикѣ, потому что въ ней находятся
я истинно трогательныя сцены, и пьеса была
азыграна прекрасно. Всѣ актеры, участвовав-
ніе въ представленіи оной, играли очень хоро-
ю. Въ цѣломъ было такое согласіе, какое мы
ѣдко видимъ въ другихъ спектакляхъ. Такъ какъ

мы о молодыхъ артистахъ и артисткахъ, подающихъ надежду на будущее время, упоминаемъ охотнѣе, нежели о давно извѣстныхъ, пользующихся заслуженною славою, то на сей разъ изложимъ читателямъ нашe мнѣніе объ одной Г-жѣ Потанчиковой. Эта молодая актриса прекрасно сыграла свою роль ошибкой минуты, когда Графиня Вальтронъ узнаетъ о несчастной участи своего супруга; но сначала, когда она съ безпечною радостью пріѣзжаетъ въ лагерь, надѣясь обнять мужа и брата—у Г-жи Потанчиковой не доставало живости и веселости; она, по видимому, готовилась къ сценамъ отчаянія, долженствовавшаго поразить ее въ послѣдствіи. Мы узнали, что причиною сего была болѣзнь актрисы, которая играла въ этотъ разъ единственно для того, чтобы не задержать бенефиса.—Г-нъ Мочаловъ и Г-жа Потанчикова были вызваны публикою по окончаніи пьесы. Если-бы отъ насъ зависѣло, то мы охотно вызвали-бы и прочихъ актеровъ, игравшихъ въ сей драмѣ, которую надѣемся увидѣть еще нѣсколько разъ на здѣшнемъ театрѣ.

Балетъ: *Роландъ и Моргана*, есть старое, но прекрасное произведеніе Г-на Дидло. На Московскомъ театрѣ онъ совершенно лишенъ очаровательнаго дѣйствія хорошихъ декорацій, необходимыхъ для зрѣлищъ сего рода. За то недостатки, происходящіе отъ излишней бережливости здѣшней Дирекціи (въ коей мы впрочемъ не смѣемъ ея винить), замѣняетъ искуство нашей балетной труппы. Г. Ришардъ и Г-жа Гюллень, какъ будто привезли къ намъ шайну Парижскихъ жрецовъ Терпсихоры. Смѣло можемъ утверждать, что они

Москвы до береговъ Сены, ни въ одномъ государствѣ не найдется танцовщиковъ лучше нашихъ! Какая легкость! Какое искусство! Правда, не достаетъ граціи, но и это можетъ придти со временемъ. Въ вышеупомянутомъ балетѣ участвовали не только всѣ танцующіе артисты, но даже маленькіе воспитанники. Прекрасное pas de trois въ первомъ дѣйствіи было протанцовано малюшками Санковскою, Тукмановою и Карасевымъ, съ такою ловкостью, съ такою точностью, что публика едва вѣрила глазамъ. Желаемъ только, чтобы сіи юные артисты не слишкомъ были утомляемы танцами, до совершеннаго развитія ихъ физическихъ способностей.—Въ этомъ-же балетѣ видѣли мы первый дебютъ Г-на *Эрнеста Ришарда*, меньшаго брата двухъ извѣстныхъ нашихъ танцовщиковъ. Онъ обѣщаетъ быть со временемъ достойнымъ преемникомъ одноименныхъ ему любимцевъ Терпсихоры. Г-жа Глушковская была прекрасна въ роли волшебницы Морганы. Величественный ростъ, граціозные жесты являли въ ней настоящую обольстительницу храбраго Роланда.—Прекрасное па Г-на Ришарда большаго съ Г-жею Гюллень, одѣтыхъ двумя геніями, съ блестящими звѣздами, какъ будто висѣвшими надъ головами ихъ—было протанцовано съ такимъ совершенствомъ, что зрители, уже давно ознакомившіеся съ искуствомъ сихъ танцоровъ, въ сей разъ утомились отъ безпрерывныхъ рукоплесканій.

В. У.

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ
ОБЩЕСТВА и ЛИТТЕРАТУРЫ.

Всякая всячина.

Литтература рѣка, т. е. безпрерывное теченіе новыхъ водъ между старыми берегами.—Геніи только вносятъ въ литтературу новое золото и серебро; другіе только чеканятъ металлъ генія извѣстнымъ чеканомъ; третьи только передаютъ этотъ чеканенный металлъ изъ рукъ въ руки. Систематики и риторы— Жиды въ литтературѣ: они обрѣзываютъ монету.— Поэты мыслятъ *образами*; философы — *отношеніями*; ученые — *фактами*; дураки — *словами*.

Будь Наполеоновъ характеръ умѣреннѣе, Наполеонъ не слетѣлъ-бы съ своего трона. Справедливо сказано; но, *взошелъ*-ли-бы Наполеонъ на тронъ свой, если-бъ былъ умѣренъ? Вопросъ тоже справедливый.

Мы ищемъ новыхъ задачъ; но рѣшили-ль мы всѣ старыя? Гдѣ, напримѣръ, рѣшенія назадачи, которыя предложилъ Фонъ-Визинъ въ *Собесѣдникѣ*, лѣтъ сорокъ тому? По крайней мѣрѣ мы не видали полныхъ рѣшеній на оныя, и думаемъ, что о многихъ изъ нихъ не худо-бы и теперь подумать; напримѣръ, о слѣдующихъ:

» Отъ чего многихъ добрыхъ людей видимъ въ ошлавкѣ?»

» Если дворянствомъ награждаются заслуги, а къ заслугамъ отверсто поле для всякаго гражданина, отъ чего-же никогда не достигаютъ дворянства купцы, а всегда или заводчики или ошкупщики?«

» Отъ чего въ нашихъ бесѣдахъ слушать нечего?»

» Отъ чего знаки почестей, долженствующіе свидѣтельствовать истинныя отечеству заслуги, не производятъ, по большей части, къ носящимъ ихъ ни малѣйшаго душевнаго почтенія?«

» Отъ чего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пышностію, потомъ-же оставляются, а не рѣдко и совсѣмъ забываются?«

Что̀ такое *примиреніе*? Ножны, въ которыя прячутъ кинжалъ ссоры. — Это сказано за нѣсколько сотъ лѣтъ до нашего времени.

Что̀ такое *излишество*? Злоупотребленіе силы, которою не могли управить, слѣдственно: излишество есть признакъ слабости! — Злоупотребле-

ніе величайшій врагъ могущества, ибо что̀ такое *порядокъ?* Сила, которая не боится себя умѣрить.

Что̀ такое *этикетъ*? Важнѣйшая причина для многихъ; умѣнье жить оффиціяльно; мода, которая не старѣется; всемогущество малаго; плетень вокругъ заповѣднаго сада. Что̀ такое *приличія?* Этикетъ общества, и часто — подушка, на которой люди убаюкиваютъ совѣсть.

Что̀ такое *учтивость?* Капля масла, которою смазываютъ огромную машину общества, и отъ этого сія машина не скрыпитъ.

Робкій страшится до опасности; трусъ въ опасности; истинно-храбрый послѣ опасности.— »Неужели *я* написалъ Оду Богъ?« спрашивалъ Державинъ: онъ былъ поэтъ великій. Спрашивай онъ: « *Напишу-ли* я Оду Богъ?« — или: « *Кончу-ли* я свою Оду, такъ, какъ началъ?« — То и другое значило-бы, что Державинъ не великій поэтъ.

Сердце не на мѣстѣ, говорятъ иногда. Какъ выразительны сіи слова; какъ вѣрно изображаютъ они состояніе сердца у многихъ! Обыкновенное мѣсто сердца назначила природа въ лѣвой сторонѣ груди; но, кто поживетъ на свѣтѣ, тотъ узнаетъ, что всего рѣже сердце человѣческое бываетъ на этомъ, назначенномъ ему природою мѣстѣ. Чему

ивятся, что нашелся недавно человѣкъ, у кото-
аго сердце было на правой сторонѣ? Боже мой!
дѣ не видалъ я сердецъ человѣческихъ!

У моего пріятеля Крѣпкосумова сердце всегда
ъ карманѣ. Тутъ бьется оно; тутъ сосредоточи-
ваются всѣ начала жизненныя. *Къ сердцу моему,*
ругъ мой! говоритъ онъ, и что же? Прижимается
ась къ толстому бумажнику, набитому ассигна-
ями и лежащему въ его боковомъ карманѣ!

У многихъ людей совсѣмъ не доищешься сердца. Это
начитъ, что сердца ихъ находятся не въ нихъ самихъ,
въ предметахъ, посторонникъ, и тутъ дивишься во-
се нечему. Развѣ не видимъ мы *гревовѣщателей*,
ли *вантрилоковъ*, у которыхъ голосъ переходитъ
ъ другіе предметы? Труднѣе-ли сердцу перейдти,
апримѣръ, у кокетки Эмиліи въ Турецкую шаль,
Секретаря Цапкина въ ябедническую бумагу? Го-
орите съ ними, доискивайтесь у нихъ сердца, и
ичего не найдете. Но пошевелите шалью — Эми-
я ожила, заговорила, засмѣялась; пошевелите
рючки и пакосши бумажные — Цапкинъ ожилъ, за-
оворилъ *отъ избытка сердца*: онъ наслаждается
изнью, разлитою имъ въ чернильныя каракульки
росьбъ, экстрактовъ и выписокъ.

Если война есть трагедія, то Наполеонъ былъ
еличайшій трагикъ, особливо въ единствѣ време-
и, ибо онъ сбивалъ годы въ мѣсяцы, и дѣла мѣ-
цевъ представлялъ намъ въ нѣсколько часовъ. Впро-
емъ, онъ былъ *не-Классическій* — трагикъ, ибо един-

ства мѣста у него во все не было, и его тра
гедія шла то на берегахъ Тага, то на берегахъ Мо
сквы, то на Нилѣ, то на Эльбѣ и Дунаѣ.

Мода есть разумъ одного дня. Отъ того ум
и добродѣтель никогда не войдутъ въ моду. Мод
посланница отъ самой себя; она сама говоритъ
что надобно повиноваться модѣ. Слѣдуя модѣ дѣла
ютъ то, что всѣ дѣлаютъ, а что дѣлаютъ всѣ
того никто не замѣчаетъ. Неужели люди боят
ся *замѣтности*?

Два человѣка шли по комнатѣ. Одинъ прошел
благополучно; другой упалъ и переломилъ себѣ но
гу. « Говорите послѣ этого, что *нѣтъ случая!*
кричатъ люди. Но, ММ. ГГ., разсмотрѣли-ль в
хорошенько всѣ обстоятельства? Полъ былъ паркет
ный. Одинъ шелъ по оному осторожно, глядѣлъ под
ноги, и былъ въ старыхъ сапогахъ; другой глядѣл
вверхъ, былъ въ сапогахъ новыхъ, и хотѣлъ шарк
нуть передъ бывшими въ комнатѣ. Говорите пос
лѣ этого, что *есть случай*!

Когда сильные земли плачутъ, тогда младшіе
братья ихъ обливаются кровью. Такъ въ долин
идетъ дождь, когда вершины горъ одѣты влажным
облаками.

Честь только *теряютъ*. Ея не льзя ни *отнять*
ни *возвратить*, ни *найдти*.

Смерть есть первое явленіе великой драмы Вѣчности, и когда оно начато, то для насъ опускается величественная завѣса. Съ заплаканными глазами стоимъ мы подлѣ нея, и ждемъ, когда впустятъ насъ туда, куда ушелъ уже братъ нашъ.

Дитя ѣдетъ на палочкѣ; старикъ влачится на костылѣ. Какая разница между тѣмъ и другимъ? Та-же, какая между *надеждою* и *воспоминаніемъ*. Въ обоихъ случаяхъ, человѣкъ, или ѣдетъ или влачится на палочкѣ; но съ именемъ *надежды* — она дѣтскій конекъ; съ именемъ *воспоминанія* — старческій костыль.

Въ твореніяхъ генія вѣетъ какой-то безсмертный духъ, который очаровываетъ насъ, овладѣваетъ нами; но онъ не видимъ: мы неможемъ указать на какія-либо отдѣльныя мѣста и слова, гдѣ является его божественная сила. Такъ шумитъ древній, величественный лѣсъ, когда кажется ни одинъ листикъ на вѣчныхъ древахъ его не шевелится.

Вотъ анекдотъ, который разсказывалъ Леди Морганъ извѣстный Денонъ, и который помѣстила она въ изданномъ ею недавно сочиненіи (Le Livre de boudoir). Послѣ каждаго сраженія Наполеонъ объѣзжалъ поле битвы (оно всегда оставалось за нимъ до 1812 года), и тщательно старался сыскивать между мертвыми тѣлами людей, которымъ можно еще было помочь. Всѣ слѣдовали его примѣру, и

Денонъ, хотя ничто не обязывало его къ этому, всегда спѣшилъ на поле сраженія, удовлетворяя и сострадательному сердцу своему, и, можетъ быть, зная также, что этимъ угодитъ Императору. Однажды, въ Германіи, Денонъ обозрѣвалъ поле битвы, и среди труповъ увидѣлъ одного офицера, еще дышущаго. На немъ лежала убитая его лошадь. Съ усиліемъ тащитъ Денонъ лошадь, но силъ у него не достаетъ. И вотъ не вдалекѣ, онъ видитъ двухъ человѣкъ, спокойно стоящихъ подлѣ разбитыхъ лафетъ пушечныхъ, и записывающихъ что-то на листочкахъ. Это были Нѣмецкіе коммисары, отряженные изъ ближняго города, для погребенія тѣлъ. Денонъ бѣжитъ къ нимъ, объясняетъ дѣло; коммисары спокойно отвѣчаютъ: Monsir, nous sommes ici pour enterrer les morts (*мы присланы сюда хоронить мертвыя тѣла*), и продолжаютъ свои записки. Денонъ умоляетъ, проситъ, говоритъ съ жаромъ, и опять слышитъ флегматическое: Nous sommes ici uniquement pour enterrer les morts (*мы присланы сюда только хоронить мертвыя тѣла*). Денонъ сердится, бранится, и — Fous êtes un pon monsir, mais nous sommes ici pour enterrer les morts (*вы, сударь, очень добры, но мы присланы сюда хоронить мертвыя тѣла*), былъ единственный отвѣтъ, котораго онъ добился отъ хладнокровныхъ Нѣмцевъ. Къ сколькимъ размышленіямъ подаетъ поводъ этотъ анекдотъ!

Письмо къ Живописцу.

Отъ С. К. Затѣйкина.

Къ вамъ рѣшаюсь я, М. Г. отнестись съ моими бимыми мечтами и предпріятіями, а какія они пь, вы изволите увидѣть сами. Я родился богатъ, рошъ, уменъ (какъ увѣряли меня другіе люди). перь мнѣ 60 лѣтъ, я старъ, но это-бы еще не да; не красивъ, и это неизбѣжное несчастіе старика, слѣдственно, опять шаки не бѣда. , вотъ, худо, М. Г., что я нигдѣ, никогда, съ кѣмъ не могъ ужиться ссорился со всѣми, женился, раззорился, и на старости теперь арый, бѣдный холостякъ. Ахъ! М. Г., состояніе араго холостяка *безъ денегъ*, не лучше состоя- старой дѣвы *безъ приданаго*! Плохо, очень хо! Но отъ чего-же все это сдѣлалось? Развѣ я ъ безпокойнаго нрава? Совсѣмъ нѣтъ: я тихъ, ъ овечка; я не пилъ, въ карты не игралъ, не халъ мотылькомъ, а безъ сихъ трехъ маленькъ слабостѣй промотать имѣніе, особливо порядное, согласитесь, невозможно. Не затруднивасъ догадками, скажу вамъ, М. Г., что всѣ бѣды, всѣ мои несчастія происходили — отъ *эктовъ*! Да, сударь, отъ проэктовъ, которые гда я называю милыми, иногда проклятыми. О экты, проэкты! съѣли вы меня, т. е. съѣли имѣніе, здоровье, веселость, радости, а я шаки не могу разстаться съ вами.

ь самаго дѣтства, страсть къ проэктамъ, асить выдумывать новое, во всемъ, что встрѣлся, была моею мучительницею. Другія дѣти

играли, а я выдумывалъ, чтобы можно было сдѣ
лать изъ той или изъ другой игрушки; разлама
валъ, строилъ по своему, перелаживалъ. Дадутъ
ли мнѣ бывало винограду, изюму, винныхъ ягодъ
я придумываю, какъ ихъ сохранишь, садишь, рос
тишь, глотать не жевавши, и Богъ знаетъ чег
я не придумывалъ, пока товарищи мои спокойн
кушали свои участки.

Меня отдали учиться. Другіе шли обыкновенною
дорогою: твердили наизусть, ничего не знали, и
выучились; но крайней мѣрѣ, имъ дали аттеста
ты, въ которыхъ четко было написано, что каж
дый изъ нихъ зналъ по семи языковъ, и по 2
науки. Я мучился надъ книгами: выдумывалъ, как
лучше твердить, выучивать, заучивать, какъ лег
че рѣшать задачи, и проч. и проч., вѣчно от
ставалъ отъ другихъ, и вышелъ изъ училища без
аттестата.

Меня отдали въ военную службу. Опять проэкты
какъ маршировать легче и прямѣе; какъ заворачи
ваться стройнѣе. Мнѣ велятъ бывало то, я дѣла
другое, не изъ непослушанія, но стараясь выдума
лучше. Что же сдѣлалось? Кто ходилъ по приказа
нію Полковника, тотъ выхаживалъ себѣ спасибо
чинокъ, и проч. — Я измучился, исписалъ кучу бу
маги, дѣлалъ планы, размѣры, и — остался ни с
чѣмъ!

Мы пошли на войну. Тутъ, казалось, мнѣ отк
крылся новый міръ. Но, я вѣчно выдумывалъ по
своему, дѣлалъ не то, и все отъ проэктовъ. Одинъ
Генералъ полюбилъ меня, влюбился въ мои планы
и когда его отрядили съ дивизіею, онъ, вмѣст

риказа корпуснаго начальника, послушался меня, пспалъ, опоздалъ, пошелъ не по диспозиціи. Я не русъ; онъ былъ тоже.... *былъ*, ибо пуля Француза угомонила его на мѣстѣ битвы. Дрались мы лавно, но за то я попался въ плѣнъ, и на досугѣ очинялъ проэктъ, какъ разбить Наполеона, а между лѣмъ, безъ всякихъ проэктовъ, очень просто, Наполеона заморозили въ Москвѣ, потомъ собрали олміра, доконали удальца, и послали философствовать на островъ Эльбу.

Я перешелъ въ статскую службу, маленькимъ инномъ, засѣлъ въ департаментъ, и сотня проэктовъ преобразованія, улучшенія, исправленія зарѣлась въ головѣ моей. Надобно вамъ знать, М. Г., что статская служба еще болѣе военной требуетъ, чтобы, кромѣ главнаго начальника, всѣ другіе занимались проэктами какъ можно менѣе, идѣли просто, и высиживали чины, награды и тличія. Просидѣвъ извѣстное число лѣтъ, могутъ они имѣть право на проэкты, и заставлять другихъ сидѣть смирно. Я хотѣлъ этого права съ амаго вступленія, и меня тотчась уволили отъ лѣлъ и отъ службы. Я пріѣхалъ въ Москву, и подергся обыкновенному повѣтрію Московскому: *хотѣ жениться.*

И тутъ проэкты все разстроили! Въ обществахъ Іосковскихъ бываетъ тоже, что въ военной и статской службѣ. Высшіе люди, *Князь* Петры, *Князь* Сидоры, прожектируютъ концерты, балы, одписки, лоттереи, комитеты; супруги ихъ правляютъ проэктами касательно ссоръ, примиреній, разводовъ, свадебъ, сплетней, а общее согла-

сіе супруговъ и супругъ устанавливаетъ вѣсти, слухи и тонъ общества (говорю вообще, не упоминая объ исключеніяхъ). Куда-же могъ я годиться, желая все перевернуть, улучшить, исправить? И мнѣ всюду былъ отказъ; наконецъ, отъ цѣлой Москвы отказъ. Тутъ умеръ мой отецъ, и я сдѣлался обладателемъ его имѣнія.

Отецъ мой не любилъ проэктовъ; но отъ этого дѣла его шли однакожъ не лучше, а я, получивъ имѣніе съ долгами, и свободную волю дѣйствовать, началъ, дѣйствовалъ, прожектировалъ нѣсколько лѣтъ.... Такъ! были и у меня счастливые годы! Эти годы моихъ свободныхъ проэктовъ остались на всегда въ моей памяти. Уже имѣніе мое продавали съ молотка, а я... я еще подалъ моимъ кредиторамъ проэктъ, какъ продать скорѣе и выгоднѣе мое имѣніе...

Собравъ остатки кое-какіе, я отказался отъ свѣта, живу теперь въ глуши, и съ утра до вечера занимаюсь работою. Вчера кончилъ я 796-й проэктъ.

Что-же? скажете вы — вѣрно проэкты ваши, Г-нъ Зашѣйкинъ, нелѣпы? — Богъ знаетъ, М. Г.— Соображая жизнь свою, я думаю, что я также не хуже другаго могъ учить на память уроки, и выйдти изъ школы съ аттестатомъ; маршировать, какъ другіе, не споря съ Полковникомъ, и удостоиться наградъ; сидѣть въ департаментѣ и переписывать, что дадутъ; драться такъ, какъ велятъ; въ Москвѣ дать себя водить за носъ Князьямъ Сидорамъ, а въ деревнѣ безъ проэктовъ считать копны хлѣба, и теперь быть 5-го класса, съ Анненскимъ крестомъ на шеѣ, съ Владимірскимъ въ

ѣплицѣ; въ долгахъ, какъ всѣ мы грѣшные; подъ ашмакомъ жены, какъ иные изъ насъ, и назы-аться *добрымъ человѣкомъ*, какъ многіе, а можетъ ышь и *малымъ съ головою*, какъ нѣкоторые.

Нѣшъ! я вездѣ хотѣлъ быть *пятымъ* колесомъ, е хотѣлъ катиться по колеѣ, какую проторили до асъ, а пробивалъ свою колею. И я несчастливъ? Можетъ быть; но когда я подымаю кипу своихъ 96-ти проэктовъ, когда перебираю ихъ..... огда я счастливъ, счастливъ!..

Но между тѣмъ, часто предлагаю я себѣ вопросъ, акой, по моему предположенію, вы мнѣ сдѣлаете: *рно проэкты ваши, Г-нъ Затѣйкинъ, нелѣпы?* И твѣшъ заставляетъ меня задумываться. Какъ рѣ-ить этотъ трудный вопросъ?

Я хочу рѣшить его отправленіемъ къ вамъ нѣ-колькихъ моихъ проэктовъ. Да, М. Г., къ вамъ, и окорно прошу васъ напечатать ихъ, дабы почт-енн*ѣйшая* публика, судьи безпристрастные, рѣ-шили. Проэкты мои обнимаютъ всю вселенную. составилъ проэктъ объ отводѣ дождя и приво-ѣ его на нивы; объ употребленіи конскихъ копытъ улучшеніе полей; о переноскѣ домовъ, цѣликомъ, мѣста на мѣсто; о молотильнѣ, которая въ часъ ымолачиваетъ 24,000 сноповъ; о средствахъ унаво-ивать зерновымъ хлѣбомъ поля, когда хлѣба сбыть ѣкуда, и проч. и проч.--Но, на первый случай отправ-ю къ вамъ проэктъ о томъ: какъ сдѣлать, *чтобы дѣ-шки не засиживались въ родительскихъ домахъ* ? *выходили за мужъ*, и другой о томъ: какъ сдѣ-ать, чтобы *подьячіе и чиновники взятокъ не брали.*

Что̀ вы думаете объ этомъ, М. Г.? Вѣдь предметы довольно важны? И, кажется, что я разрѣшилъ ихъ. Если вы напечатаете прилагаемые мною два проэкта, если благосклонная публика примешъ ихъ, тогда — тогда пришлю къ вамъ 100 отборныхъ моихъ проэктовъ, и умру съ надеждою, что моя жизнь не за даромъ таки пропала. Честь имѣю быть, и проч.

С. Затѣйкинъ (*)

(*) Проэкты Г-на Затѣйкина будутъ напечатаны въ слѣдующихъ книжкахъ Телеграфа. Ж.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

On fait en velours à larges carreaux écossais, des chapeaux qui, comme les capotes, ont un bavolet par derrière, et dont le bord est garni d'un demi-voile de blonde.

Quelques bérets offrent dans leur pourtour des pointes de satin : les intervalles sont remplis par de la blonde. Une toile en blonde tient lieu de forme ou calote. On garnit ces bérets de deux oiseaux-de-paradis : l'un se fixe sur la passe gauche, l'autre à droite sous la passe.

Pour les coeffures en cheveux, soit simples, c'est-à-dire tout en cheveux, soit ornées de noeuds de rubans, de plumes, de fleurs, de chaines d'or dites *chevalières*; de cordons de perles, etc., les nattes sont toujours en grande faveur; on les fait à cinq, sept, ou même neuf brins, larges par conséquent, mais à jour, parce qu'on en écarte les brins.

Il y a des chapeaux d'une étoffe de soie à gros grain, que l'on appelle *Juliette*. Ces chapeaux sont ordinairement ornés de blonde et de fleurs.

La redingote de gros de la Chine dont nous allons parler, mérite d'être détaillée. Un tablier, étroit du haut et très large du bas, en garnit le devant; sur ce tablier sont parsemées des fleurs brodées en soie : il est bordé d'un effilé. Un

(*) До 30-го Октября (н. с.) 1829 г.

effilé orne aussi le bord du collet à schal. Les manches surtout rendent cette redingote très remarquable: brodées comme le tablier, et bordées d'un effilé, elles sont ouvertes par devant et figurent deux oreilles d'éléphant.

Tous les jours de cette semaine, il y a eu, depuis 2 heures jusqu'à 4, affluence de promeneurs aux Tuileries. Nous y avons vu plusieurs pélerines de velours sur des robes d'étoffe de sie à reflets. Elles étaient presque toutes garnies de franges. Une des dames qui portaiet ce costume, avait un pantalon de jaconat, *à la mameluck*, froncé sur un poignet brodé et bordé d'un petit tulle. Cette garniture retombait sur des brodequins de satin turc.

Satin damassé est le nom d'une étoffe de soie très-brillante; nous avons vu un chapeau de ce satin, couleur jaune-vapeur, dont la garniture consistait en grandes boucles de velours plain, noir, et bouts taillés en biseau. Ces bouts étaient doublés de satin noir et ornés d'une frange à tête maillée.

Quelques spencers ont paru dans les promenades ces jours derniers: les uns étoient de velours noir, avec jupe de soie; les autres de gros de la Chine bleu ou vert, avec jupe blanche. Un de ceux-ci avait sur la poitrine, des plis comme un corsage *à la Sevigné*. Au dessus de ces plis, l'étoffe était lisse.

La pélerine des nouveaux manteaux, soit de casimir, soit de merinos double, descend plus bas que les coudes; elle est en outre garnie d'une frange à tête maillée. La frange des manteaux dont l'étoffe a des dessins froncés réunit les couleurs du fond et des dessins.

On fait, en acier fin, des bourses qui se replient comme les bourses en or.

La mode des attelages dépareillés existe toujours, et, par préférence, c'est un cheval blanc que l'on met à côté d'un cheval noir.

En attendant que les soirées s'organisent, on donne des *déjeûners concertans*. Dernièrement, chez Mad. la duchesse d'O..., on s'est mis à table à une heure : pendant le déjeûner un orchestre a éxecuté des morceaux d'ensemble, puis, dans le salon, des morceaux de chant. Les dames avaient des costumes qui approchaient des toilettes de bal. Les jeunes gens étaient en bottes, mais en habit et cravate blanche.

Il ne faut pas confondre le noir-ardoise actuellement à la mode pour les robes et pour les chapeaux, avec le noir de geais, le noir de deuil, le noir-noir : ces deux nuances n'ont pas la même destination. Le noir bleu se coupe de toute autre couleur dans les chapeaux, les capotes, les écharpes, dans la chaussure même; noir-noir exige, de la tête au pieds, un costume de deuil.

Plusieurs élégans portent de très-longues redingotes de drap jaune à collet de velours de la même couleur et à pélerine descendant jusqu'au coude. Ces redingotes sont garnies de boutons de nacre larges et bombés.

Les cheveux d'un élégant sont très-longs sur les côtés, et sur le dessus de la tête ; il les fait couper presque ras par derrière.

Головные уборы. Изъ бархата, съ большими Шотландскими квадратами, дѣлаютъ шляпки, которыя, на подобіе капотовъ-шляпокъ, имѣютъ задничекъ и по краямъ полей блондовый полувуаль. — Вмѣсто стѣнокъ тульи атласные клинья, между которыми промежутки заняты блондами, а верхушку составляетъ блондовая звѣзда: вотъ модный беретъ. Такіе береты убираютъ двумя райскими птичками: одна изъ нихъ слѣва, на внѣшней сторонѣ полей, а другая справа, подъ полями. — Въ головныхъ уборахъ простыхъ, то есть, изъ однихъ только волосовъ, и въ уборахъ съ прибавкою ленточныхъ бантовъ, перьевъ, цвѣтовъ, золотыхъ цѣпочекъ, называемыхъ chevalières, нитокъ жемчугу, и проч., плетушки волосовъ въ большой модѣ. Ихъ плетутъ въ 5, 6 и даже 9 косичекъ, слѣдственно, весьма широкія, и *ажуръ*, потому, что косичку отъ косички раздвигаютъ.—Появились шляпки изъ шелковой мушчатой матерій, называемой: *Жюльетта*. Такія шляпки обыкновенно украшаютъ блондами и цвѣтами.

Модныя платья. Вотъ реденготъ, достойный подробнаго описанія: онъ изъ Китайскаго гро. Узкій къ верху, широкій къ низу передникъ украшаетъ его спереди; передникъ этотъ обшитъ бахромкою, и по оному вышиты шелкомъ цвѣточки; бахромкою обшитъ также и воротничекъ реденгота, сдѣланный шалью. Рукава реденгота особенно замѣчательны: вышитые, какъ передникъ, и обшитые бахромкою, они открыты къ кисти руки, и составляютъ два, такъ называемыя, слоновыя уха.—Въ послѣднее время, отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ по полудни, являлось

въ Тюльерійскій садъ множество гуляющихъ. Тутъ замѣчено много бархатныхъ пеллеринокъ, съ платьями изъ шелковой съ отливомъ матеріи. Пеллеринки сіи обшиваютъ плетеною бахромкою. На одной изъ дамъ, бывшихъ въ такомъ нарядѣ, надѣты были жаконатовые, *Мамелюкскіе* панталоны, собранные складками, съ перехватомъ, вышитымъ и обшитымъ шюлемъ, которые падали на ашласные полусапожки. — Струйчатымъ ашласомъ (satin damassé) называютъ шелковую, чрезвычайно блестящую матерію. Замѣтили шляпку изъ оной сдѣланную, цвѣта желтаго, такъ называемаго, Jaune vapeur; уборку сей шляпки составляли банты, черные, бархатные, и висячіе концы, подбитые чернымъ ашласомъ, и обшитые плетеною бахромкою.

На прогулкахъ появились спенсеры: одни бархатные черные и ихъ надѣваютъ съ шелковыми цвѣтными платьями; другіе изъ Китайскаго гро, голубые и зеленые: ихъ надѣваютъ съ бѣлыми платьями. У одного изъ такихъ замѣтили на срединѣ груди складки, какъ у корсажей à la Sevigné.

Пеллерины, или воротники, новыхъ дамскихъ плащей, казимировыхъ, или изъ двойной мериносовой шкани, дѣлаютъ длинныя, ниже локтей, и обшиваютъ плетеною бахромкою. Если плащъ бываетъ изъ матеріи узорчатой, то бахромка должна соединять цвѣта узоровъ и поля, по которому узоры вышканы.

Модные обычаи и мѣлочи. Дѣлаютъ кошельки стальные, которые гнутся такъ-же, какъ золотые кошельки.

Мода. запрягать въ экипажъ разношерстныхъ лошадей, продолжается, и преимущественно запрягаютъ вмѣстѣ сивую лошадь съ вороною.

Въ ожиданіи, пока учредятся вечера, вошли въ моду *концертные завтраки*. На такомъ завтракѣ у Герцогини О***, гости сѣли за столъ въ часъ по полудни. Во время завтрака оркестръ игралъ разныя музыкальныя пьесы, потомъ въ залѣ пѣли. Дамы были въ нарядахъ почти бальныхъ, мужчины въ сапогахъ, но во фракахъ и въ бѣлыхъ галстухахъ.

Не должно смѣшивать чернаго *аспиднаго* цвѣта, который теперь въ модѣ, для шляпокъ и для платьевъ, съ чернымъ воронымъ, чернымъ траурнымъ, или собственно-чернымъ цвѣтомъ. Сіи два оттѣнка употребляются совсѣмъ различно, и сверхъ того, оттѣнокъ аспидный (черно-голубоватый) соединяется со всякимъ другимъ цвѣтомъ, въ шляпкахъ, шляпкахъ-капотахъ, шарфахъ, и даже въ обуви; черный-собственно требуетъ, съ головы до ногъ, совершенно траурнаго костюма.

Мужскія моды. Многіе изъ щеголей носятъ предлинные сюртуки, изъ желтаго сукна, съ бархатнымъ такого-же цвѣта воротникомъ, до локтей. Пуговицы у такого реденгота перламутровыя, округлыя.

Волосы на головѣ щеголя обстригаются такимъ образомъ: на вискахъ и на верху головы весьма длинные; сзади гладко обстриженные, почти подбритые.

На приложенныхъ картинкахъ:

1 *Дама*. Шляпка бархатная, съ перьями и атласными лентами; атласное платье, убранное лапами блондовыми.

2. *Мужчина*. Польскій реденготъ, съ обшивками и плешушками. Панталоны цвѣта *Балканской* земли (terre du Balkan).

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Ноября 4 дня, 1829 года.

Цензоръ Сергѣй Глинка.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

XXIX-й ЧАСТИ.

О критикахъ и рецензентахъ Варшавскихъ (Предисловіе къ полному собранію стихотвореній Мицкевича)..... 3

О степяхъ (сочиненіи Барона А. Гумбольдта). 151

О владычествѣ Англичанъ въ Восточной Индіи. 299

Проэктъ о проведеніи воды въ столичный городъ Москву, учиненный Ген. Лейт. Фонъ-Бауромъ, 1780 года, Іюня 24 дня..... 425

Вѣдный Дикъ (Повѣсть—*окончаніе*)..... 38

Клоринда (Повѣсть, соч. В. Скотта)..... 194, 324

Разсказъ на бивакѣ (Истинн. происшествіе).... 464

Отрывокъ изъ романа..... 474

Слово, говоренное Протоіереемъ Тимоѳеемъ Мокрицкимъ, 7 Іюля 1829 г. близъ стѣнъ Арзерума..... 419

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Древняя змѣя / Александръ Великій } Соч. Г-на Вельтмана.... 37

Щитъ Ахиллесовъ. Отрывокъ изъ Иліады. Пер. Н. И. Гнѣдича..... 180

Эпиграмма (Соч. А. П.)..... 194

Адріанополь..... 258

Забалканская пѣсня..... 260

Пѣвецъ передъ Варною (Соч. Г-на Карлгофа)... 320

Къ ней (Соч. Г-на Орлова)..... 323

Разлисъ. Соч. А. Мицкевича (Пер. Г-на Сіянова) 450

Днѣпровскій берегъ (Отрывокъ. Соч. Г-на Елагина,..... 457

РАЗБОРЫ:

Constantinople et le Bosphore de Thrace. Соч. Графа Андреосси (Парижъ, 1828 г.)—Itinéraire de Tiflis à Constantinople. Соч. Полковника Ромье (Брюссель, 1829 г.) (*Окончаніе*)..... 71

Предположеніе о заведеніи Коммерческаго

Пансіона, устроеваемаго А. Сенъ-Тома (СПб. 1829 г.)..... 220, 349

Нѣсколько замѣчаній на книгу: *Историческое описаніе церквей, въ Россійской имперіи находящихся* (М. 1828 г.)..... 479

Вильгельмъ Тель. Трагедія Шиллера. Переводъ Ал. Ротчева (М. 1829. г.)..... 488

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская Литтература..... 89, 240, 363

Польская Литтература..... 100

Русскіе журналы на 1829-й годъ..... 255, 378

СМѢСЬ.

Петербургскій Театръ..... 104

Московскій Русскій Театръ.... 110, 263 380, 546

Новый Живописецъ общества и литтературы..... 121, 281, 401, 563

Къ читателямъ Телеграфа..... 145

Литтературныя извѣстія..... 261

Музыкальныя извѣстія..... 276

М. П. Погодину..... 396

Письма съ береговъ Лены (*Письмо IV*)..... 536

Письмо изъ Тобольска..... 540

Парижскія моды..... 141, 292, 412, 569

ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ ТЕЛЕГРАФУ, № 17, 18, 19, 20

О взаимномъ дѣйствіи металлическихъ окисловъ (*окончаніе*)..... 281

О живописи на стеклѣ (сочиненіе Ленормана).. 284

О паровыхъ ружьяхъ, изобрѣтенныхъ Перкансомъ..... 329

При сей части Телеграфа приложены *шесть* картинокъ Парижскихъ, дамскихъ и мужскихъ, модъ. — Въ Прибавленіи къ Телеграфу *три* картинки Парижскимъ модныхъ мебелей и экипажей, и *изображеніе паровато ружья*.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 20. *Октябрь* 1829.

О ЖИВОПИСИ НА СТЕКЛѢ.

(Окончаніе).

Если и согласимся, что такой, требующій боль-
ихъ издержекъ, способъ украшенія могъ быть съ
пѣхомъ введенъ въ землѣ, гдѣ высшія званія охот-
издерживаютъ деньги на все, что только они
ни могутъ сдѣлать, то все намъ трудно по-
ть: какого успѣха ждать можетъ роскошное
рашеніе это у насъ, гдѣ большія имѣнія сосре-
точены въ небольшомъ количествѣ особъ, рѣдко
пряпвающихъ многое для великолѣпныхъ укра-
ній? Какъ-бы то ни было, но препятствія,
ми показанныя, не останавливали Англичанъ,
они, въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій
зпрерывно занимались новымъ родомъ живописи
стеклѣ. Эпоха самаго важнѣйшаго предпрія-
я ихъ въ семъ родѣ живописи относится имен-
къ тому времени, когда живопись на стек-

лѣ нигдѣ въ Европѣ, кромѣ Англіи, не существовала. Въ 1777 году Джервей написалъ на стеклѣ, по рисункамъ Рейнольда, въ часовнѣ *Новаго Оксфордскаго Коллегіума*, огромнѣйшую картину, изображающую Рождество Христово. Если предпріятіе это было смѣло, то успѣхъ не вполнѣ ему соотвѣтствовалъ. Всѣ признаются, что работа Джервея не производитъ сильнаго впечатлѣнія. «Цвѣта у него,» говоритъ одинъ путешественникъ, хорошій судья въ семъ дѣлѣ, «блѣдны, слабы, и картина болѣе напоминаетъ пранспарантную живопись, на кисеѣ или масляной бумагѣ, ни сколько не представляя очаровательнаго блеска, которому удивляемся мы въ старинныхъ живописныхъ окошкахъ . . .»

Не льзя не согласиться, что въ Англійскомъ манерѣ сдѣланы большіе успѣхи со временъ Джервея. Стекла, купленныя два года тому Префектомъ Сейнскаго Департамента, и поставленныя въ окнахъ часовни при Палатѣ Перовъ, не говоря о рисункѣ, суть прекрасные образцы новѣйшей Англійской живописи на стеклѣ. Согласіе общности въ нихъ весьма удовлетворительно; густые цвѣта не лишены своей силы; возможность достигнуть естественнаго цвѣта тѣла дополняетъ пособія искусства, и позволяетъ ему на многое отваживаться, не боясь неудачи или перехода за предѣлы. Такое мнѣніе наше о нынѣш-

ихъ Англійскихъ живописцахъ на стеклѣ, осно-
ывалось на работахъ Г-на Коллинса; оно было
одтверждено и увеличено живописными стекла-
и, которыя сдѣлалъ сей художникъ въ Парижѣ,
ля часовни Св. Елизаветы, по рисункамъ Г-на
южоля. Принявши при семъ случаѣ старин-
ый, монументальный манеръ, живописецъ вы-
одно успѣлъ выказать всѣ средства своей бога-
ой палитры. Изображеніе Іоанна Крестителя
собенно отдѣлано со всею силою свѣтло-тѣни,
акъ, что мы не видывали прежде ничего по-
обнаго. Словомъ, при всѣхъ вышеозначенныхъ
ами неудобствахъ, Англійская живопись на сте-
лѣ, кажется, достигаетъ высокаго совершенства,
, если по мѣсту ими занимаемому, стекла
асовни Св. Елизаветы представляются болѣе
редметомъ любопытства и забавы, нежели пред-
оватъ важнымъ и значительнымъ, въ этомъ ви-
етомъ не живописецъ, но несогласіе, какое на-
одимъ мы между живописью на стеклѣ, древнею
новою, и зодчествомъ, введеннымъ нынѣ для
ашихъ церквей и духовныхъ храмовъ.

Въ семъ послѣднемъ обстоятельствѣ мы видимъ
стинное препятствіе распространенію живописи
а стеклѣ въ наше время, не смотря на покро-
тельство, которое оказываютъ ей теперь по-
юду. Симъ объясняется холодность, съ какою
инимаемы были покушенія, иногда весьма удач-

ныя, въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ во Франціи, учиненныя Г-мъ Дилемъ, Г-мъ Леклеромъ, Легро, особенно-же Г-мъ Маршелегомъ. Это поясняетъ намъ, почему стекло, расписанное по старому манеру Г-мъ Пари (Paris) и вставленное въ окошко новѣйшей (Сорбонской) церкви, гдѣ поле составляютъ бѣлыя стекла, не было замѣчено, и почему жители Парижа оказали такую несправедливую холодность къ произведеніямъ Якова Миллера, Швейцарскаго живописца, съ отличными дарованіями, показавшаго въ своихъ работахъ глубокое познаніе старинной Швейцарской живописи на стеклѣ, и возбудившаго на Берискомъ выставкѣ 1824-го года, совершенный восторгъ своихъ соотечественей. Искусства, какъ и все другое, должны соотвѣтствовать дѣйствительной потребности ума человѣческаго, и бытіе ихъ искупается только сею цѣною. Самое простое чувство приличія всегда отвергнетъ живопись на стеклѣ, даже въ нашихъ подражаніяхъ старинным зданіямъ, ибо, въ сихъ подражаніяхъ окна обыкновенно занимаютъ малѣйшую часть пространства зданія, и можетъ-ли нынѣшнее зодчество допустить родъ исключительныхъ украшеній, могущій уничтожать собою дѣйствіе всѣхъ другихъ, пригодный единственно къ тому стилю зодчества, въ коемъ занималъ онъ почти всю внѣшность зданій? Изъ сего вы-

ходитъ слѣдующее: если мы хотимъ утвердить между нами живопись на стеклѣ, то мы должны дать ей убѣжище въ небольшихъ часовняхъ, ризницахъ, и вообще тѣхъ священныхъ убѣжищахъ, которыя обременяются украшеніями, едва-ли всегда приличными святости мѣста. Есть еще средство — и мы предлагаемъ его, опасаясь однакожъ противорѣчій — средство, состоящее въ томъ, чтобы отдать живописи на стеклѣ старинныя мѣста ея дѣйствій, наши древнія, готическія зданія, лишенныя нынѣ своихъ старинныхъ, великолѣпныхъ украшеній. Безспорно, что геній новыхъ художниковъ не лишенъ творящей способности, могущей открывать новые пути искуствамъ; но почему не полагать, что самобытныя дарованія могутъ развиваться, и возобновляя древніе памятники? Если-же мы утвердимся въ томъ, что нашъ вѣкъ лишенъ творящаго генія во всѣхъ изящныхъ искуствахъ, кромѣ поэзіи, и за всѣмъ тѣмъ не захотимъ приложить наши средства къ возобновленію стараго, то какая жалкая будущность представляется новѣйшей живописи на стеклѣ, которую столь гордо мы почитаемъ *возобновленною*? Да простятъ намъ нашу антикварскую простоту; но мы думаемъ, что прибавляя къ возстановленію нашихъ древнихъ памятниковъ въ Сенъ-Дени, Реймсѣ, Парижѣ, то, чего въ нихъ теперь недостаетъ

для полнаго блеска, мы поступимъ гораздо проще и вѣрнѣе, нежели выгадывая какое нибудь мѣшечко для живописныхъ стеколъ въ нашихъ, противорѣчащихъ сущности оныхъ, новѣйшихъ зданіяхъ.

Чтобы ни говорили о живописи на стеклѣ, она есть искусство принадлежащее старымъ временамъ, и приличное только древнимъ памятникамъ зодчества. Въ слѣдствіе сего всегда будутъ отдавать преимущество опытамъ сего искусства, имѣющимъ цѣлію возстановить его такъ, какъ оно существовало въ XV и XVI-мъ вѣкѣ. Одинъ изъ Французскихъ художниковъ, Г-нъ Робертъ, стремится именно къ сей цѣли, не потому, что ему неизвѣстны успѣхи новой Химіи, и что ища древнихъ тайнъ своего искусства, онъ не думаетъ объ открытіяхъ новѣйшихъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Г-нъ Робертъ показалъ опыты своего искусства въ Англійскомъ родѣ живописи на стеклѣ, неизвѣстномъ Древнимъ; но, потомъ соединилъ онъ всѣ усилія возстановить древній родъ живописи, предполагая придать ему то, чего въ немъ недоставало. Посему, онъ не отвергаетъ свинцовыхъ полосокъ, безъ которыхъ не льзя составить крашеныхъ кусковъ, но только старается споспѣшествовать ими, какъ дѣлали встарину, дѣйствію общности, противоположностью ихъ краскамъ, смотря по

разстоянію, въ какомъ находится живопись отъ зрителя. Два опыта такихъ картинъ, бывшіе на выставкѣ Севрскаго завода, оправдываютъ надежду успѣха, коего думаетъ достигнуть Г-нъ Робертъ своими стараніями. Въ двухъ копіяхъ со стеколъ Сенъ-Шапельскихъ художникъ придалъ было натуральный цвѣтъ тѣла старымъ изображеніямъ; это доказало только, что списки должны быть вѣрны для произведенія дѣйствія. Новое присовокупленіе повредило роду живописи, котораго изящество соединено съ недостатками частей и отъ сего получаетъ новую цѣну. Нынѣ Г-нъ Робертъ открылъ тайну стариннаго алаго, столь прекраснаго цвѣта. Работы ученика его, Г-на Конспантена, совершенно во вкусѣ образцовъ XVI вѣка, показали, что подражаніе старой живописи должно простираться на самый манеръ рисовки. Мы видимъ настоящія древнія картины, производящія именно то дѣйствіе, какого отъ нихъ требовать должно. Г-нъ Робертъ устроилъ уже на Севрскомъ заводѣ особую мастерскую, и теперь занимается огромною работою для Лоретшской церкви. Надѣемся рѣшительнаго успѣха трудовъ его, ибо онъ убѣдился въ непремѣнномъ подражаніи старому манеру.

Мы писали сію статью не для того, чтобы польстить народному честолюбію. Цѣль наша была, показать, что живопись на стеклѣ заклю-

чаетъ въ себѣ нѣкоторые существенные недостатки, коихъ мы не должны побѣждать, ибо иначе мы удалимся отъ сущности сего художества, дѣйствіе коего заключается въ самыхъ его недостаткахъ. Прилагая новѣйшія открытія Химіи къ основаніямъ рисовки старинныхъ живописцовъ; не соединяя съ живописью на стеклѣ несообразнаго съ нею новаго зодчества, но возстановляя древніе памятники и употребляя живопись только тамъ, гдѣ новыя зданія подходятъ къ готической архитектурѣ, мы безъ сомнѣнія возстановимъ сіе искусство. Иначе, оно будетъ пустою игрушкою нашего вѣка. Мы съ удовольствіемъ слышали, что въ той землѣ, гдѣ лучше нежели у насъ и въ Англіи, умѣютъ понимать готическую архитектуру, въ Германіи является общее, одинаковое съ нашимъ мнѣніе. Въ слѣдствіе сего, Король Баварскій заказалъ для Ратисбонскаго собора живописныя стекла совершенно въ древнемъ вкусѣ. Рисунки сдѣланы были Г-мъ Гессомъ, и выполнены на стеклѣ Г-мъ Франкомъ (Директоромъ Королевскаго Минхенскаго фарфороваго завода) и Г-мъ Шварцомъ, извѣстнымъ Нюрнбергскимъ живописцомъ. Трудъ сихъ художниковъ заслужилъ общія похвалы.

О ПАРОВЫХЪ РУЖЬЯХЪ.

Неоднократно уже писали мы въ Телеграфѣ о ровыхъ орудіяхъ аршиллерійскихъ, изобрѣенныхъ Г-мъ Перкинсомъ въ Англіи. Изобрѣеніе это не можетъ не возбуждать вниманія обопытныхъ наблюдателей. Слыша объ ужасихъ дѣйствіяхъ Перкинсовыхъ пушекъ и ружей, великихъ удобствахъ, какія предсшавляютъ они легчайшему истребленію человѣка—невольно одумаеше, что Перкинсу предназначено быть ерпольдомъ Шварцомъ будущихъ вѣковъ! Перкинсъ доводитъ сжатіе пара до высочайшей стеени. При весьма небольшомъ сжатіи, его орудія брасываютъ 250 пуль свинцовыхъ въ минуту, е. дѣйствуютъ наравнѣ съ 250 обыкновенными жьями. Пули пробиваютъ, въ 33-хъ метрахъ даленія, одиннадцать сосновыхъ досокъ, каждая въ дюймъ толщины, находящихся на дюймъ на отъ другой разстояніемъ. Ударяясь въ желѣзо, пули совершенно сплющиваются, а при женномъ сжатіи паровъ—разлетаются на тысячу мѣлчайшихъ кусковъ! Звукъ, производимый стрѣлами, уподобляется непрерывающемуся скату грома. Исчислено, что одно паровое удіе можетъ замѣнить десять, дѣйствующихъ рохомъ; корабль съ шестью паровыми пушками устоитъ противъ 74-хъ пушечнаго, и оч. и проч.

Но какое устройство сихъ истребительныхъ орудій? Безъ рисунка, оно можетъ быть покажется непонятнымъ. На приложенномъ къ сему № Прибавленія рисункѣ, *фиг.* I, представляетъ Перкинсово орудіе. Тутъ —

A. Камера орудія, куда кладутся пули.

B. Ручка, служащая къ тому, чтобы пули падали въ камеру.

C. C. Воронки, гдѣ лежитъ въ каждой по 52 пули, падающія одна за другою въ камеру, когда движутъ ручку B.

D. Дуло орудія, имѣющее около 6 футовъ длины.

E. Сжимающій винтъ, коимъ нажимается ручка.

F. Колѣно, коимъ орудію можно дать всякое направленіе.

G. Клапанъ, посредствомъ коего идетъ паръ изъ пароваго котла, черезъ трубки, которыя входятъ въ самое орудіе.

H. H. Средство, придуманное Перкинсомъ для того, чтобы трубки выдерживали давленіе.

Здѣсь видно, какъ соединяются трубки, въ направленіи своемъ отъ паровика къ камерѣ орудія.

«Дабы понять всю простоту устройства (сказано въ *Гласговскомъ механическомъ магазинѣ*, изъ коего взятъ рисунокъ, здѣсь предлагаемый), довольно разсмотрѣть изображеніе.

Наполняютъ пулями воронки, и пули сами падаютъ потомъ въ камеру орудія, столь быстро, сколь быстро можно вертѣть ручку у воронокъ. За тѣмъ орудіе сообщается съ паромъ, посредствомъ подобнаго-же устройства, черезъ колесо, въ космъ оное ввинчено. — Трубки съ воронками, образующія спицы, ввинчены въ ступицу колеса (сіи трубки, такъ расположены, что при кругообращеніи каждая, поочередно, становится перпендикулярною къ орудію. Въ уровень съ дуломъ орудія, каждая трубка имѣетъ клапанъ, выше коего лежатъ 52 пули, а вверху трубки находится винтъ, замыкающій отверстіе. Когда трубка становится въ перпендикулярное положеніе, пуля, собственною тяжестью открываетъ клапанъ и падаетъ въ камеру.

Фиг. 2 изображаетъ пулю, въ первоначальномъ ея видѣ, какою она кладется въ воронку. — *Фигуры* 3 и 4 суть изображенія двухъ сторонъ пули, ужившейся въ желѣзо и отъ того расплюснувшейся: фиг. 3 представляетъ сторону внѣшнюю; фиг. 4-я ту сторону, которою пуля приплюснулась къ желѣзу.

Extract. taraxaci grammas ad
Tartari tartarisati Aq. lauro cera. 3j
D. cad grammas 5 ji [illegible]

1 [illegible]